

Предисловие

Распад Советского Союза вызвал в начале 1990-х годов временное если не взаимное отчуждение, то разобщение исторической науки некогда союзных республик. Однако исследования отечественной истории продолжались, не ограничиваясь изучением прошлого только своей страны, но охватывая все историческое полотно Древней Руси — Московского царства и его ближайших соседей — Российской империи — СССР. Безусловно, серьезное влияние на исследования подобного рода оказывали такие факторы как суверенизация бывших советских республик и необходимость обосновать национальную государственность. Сегодня идет процесс постепенного, достаточно сложного и неравномерного, преодоления околонучных конъюнктурных «оснований» научно-исследовательских исторических концепций отечественной истории. Представляется, что взаимное ознакомление с подходами белорусских, российских, украинских ученых и ученых других государств постсоветского пространства будет всемерно способствовать как интеграции исторических исследований, так и их большей объективности и научности, свободных от идеологических «ярлыков» и «штампов».

Сборник научных статей «Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования», подготовленный российскими, украинскими и белорусскими историками, являет собой опыт тесного научного сотрудничества ученых. При этом, важно отметить, что российская сторона представлена исследованиями не только столичных историков, но и работами ученых Сибири, Урала, Поволжья, Южного, Центрального, Северо-Западного и Западного регионов, т. е. фактически всей России. Белоруссию и Украину представляют исторические школы Минска и Киева.

Отдельно необходимо остановиться на структуре сборника «Проблемы отечественной истории». Его подзаглавие — «источники, историография, исследования» — изначально предполагает наличие трех больших разделов, составляющих собой историческую науку в целом: источниковедение, историографию и собственно историю.

Первый раздел, «Источники», включает в себя материалы, носящие не только источниковый, но и источниковедческий характер. Открывает раздел блок, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося ленинградского историка, профессора Владимира Васильевича Мавродина (1908–1987). Его составили воспоминания младших коллег и учеников Владимира Васильевича — А. С. Азбелева, Н. А. Мининкова, В. М. Панеяха, А. Н. Цамутали и его сына, Валентина Владимировича. Впервые здесь публикуются письма В. В. Мавродина к коллегам. Особая значимость данного блока для многих из составителей и авторов представляемого сборника заключается в том, что он был полностью подготовлен благодаря идее, инициативе и огромному труду прекрасного ученого, пытливого историка и очень хорошего и доброго человека, безвременно ушедшего из жизни — Натальи Николаевны Юсовой (1974–2008), старшего научного сотрудника Института истории Украины Национальной Академии наук Украины.

Помимо вышеизложенного, источниковый характер носят публикуемые материалы периодической печати Урала времен Первой мировой войны, отражающие восприятие проблемы плена и военнопленных местной властью и общественным мнением.

Источниковедческую часть раздела составляют статьи, полностью опирающиеся на те или иные виды источников либо избирающие последние предметом своего исследования. Таковыми источниками в настоящем сборнике выступили: материалы личного происхождения (воспоминания, дневники, письма), периодическая печать и визуальные источники (миниатюры Летописного свода и художественное кино).

Следующий раздел, «Историография», включил в себя исследования белорусских, украинских и российских историков по российской и англо-американской историографии российской истории. Здесь же представлен аналитический обзор петербургской школы историков и научно-педагогический вклад в нее К. Н. Бестужева-Рюмина.

И, наконец, третий, самый большой раздел «Исследования» структурно выполнен в классическом виде. В блоке «Социально-экономические исследования» представлены статьи, посвященные крестьянскому и аграрному вопросам на протяжении XIX–XX вв., а также рассмотрены теоретические основы денежной реформы 1922–1924 гг. «Политическая история» освещает проблемы системы центрального и местного управления первой трети XIX в. и рубежа XIX–XX вв.; касается вопросов конфессиональной политики российского правительства в Северо-Западном крае во второй половине XIX – начале XX в., открывает новые аспекты советской индустриализации. Подраздел «Общество: ментальность, культура, духовная жизнь» раскрывает различные стороны духовной жизни российского – советского общества, начиная со старообрядческих самосожжений конца XVII–XVIII вв. и завершая проблемами восприятия населением коммунизма во второй половине XX в.

Высокий исследовательский интерес к истории войн и революций обусловил необходимость выделить самостоятельный в составе раздела блок «Войны и революции: теория, методология, история». Здесь представлены статьи теоретического и практического характера по истории революции 1917 г., периодов Гражданской и Великой Отечественной войн.

Завершают раздел «Исследования» подразделы, характерные для периодических изданий – «Научная жизнь» и «Критика и библиография». И это не случайно. Хочется надеяться, что сборник «Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования» станет если не ежегодным, то хотя бы продолжающимся изданием, объединяющим историков всего постсоветского пространства.

В заключение вводного слова хочется искренне поблагодарить Ивана Яковлевича Галкина, генерального директора ЗАО «ЭКВИБАЛТ», за помощь, оказанную при издании настоящего сборника научных трудов.

Источники

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

*К 100-летию со дня рождения
Владимира Васильевича Мавродина*

Вспоминая В. В. Мавродина — не забываем других

2008 год оказался богат на столетние юбилеи тех ученых, которые своим вкладом способствовали развитию научной исторической мысли в целом и ее компонента — собственно историописания — в неоднозначную в идеологическом плане советскую эпоху.

Сегодня надлежит отдать дань памяти и уважения ленинградским профессорам Владимиру Васильевичу Мавродину (21.02.1908–20.11.1987)¹, Семену Бенциановичу Окуню (25.07.1908–23.2.1972)², Александру Львовичу Шапиро (7.07.1908–1994)³, а также московскому археологу, академику Борису Александровичу Рыбакову (3.06.1908–27.12.2001)⁴. По первоначальному замыслов редакторов этого сборника предполагалось получить воспоминания от людей, близко или хорошо знавших не одного В. В. Мавродина. Была проведена определенная работа, и даже получено не только согласие, но и уверения в самом быстрейшем написании подобного рода эссе. Особо же радовало то, что для иллюстрации тех или иных нюансов жизни и творчества Бориса Александровича Рыбакова даже предполагалось включить его искрометные самокритические автографические записки, дарственные надписи, письма, к которым планировалось присоединить одно из его посланий военного времени к Николаю Леонидовичу Рубинштейну, как заместителю директора по научной работе Государственного исторического музея⁵.

Однако, очевидно, именно фактор ограниченного времени, отведенного для подготовки воспоминаний, сыграл здесь свою отрицательную роль. Нами до настоящего времени (апрель 2008 г.) не получены обещанные материалы ни от российских, ни от украинских и болгарских коллег. Вместе с тем, редколлегия не снимает с себя всей ответственности за то, что в данном издании представлены материалы, освещающие отдельные этапы творческого пути лишь одного из авторитетных юбиляров — В. В. Мавродина.

Прояснением отмеченных обстоятельств редколлегия сборника подчеркивает, что какой-либо субъективной предвзятости при отборе кандидатур во всех отношениях достойных юбиляров не было: предполагалось представить всех из названных историков-юбиляров.

В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, А. Л. Шапиро и Б. А. Рыбаков как ученые хорошо известны, известны и основные вехи их жизненного пути и творческое наследие. Помещение, в связи с этим, очередного информационно-хронологического изложения биографий чествуемых ученых представляется бессмысленным и непродуктивным. Несравненно больший практический интерес для исследователя-

специалиста, равно как и для восстановления звеньев историографического процесса в целом, являет собой путь воссоздания образа историка посредством воспоминаний и введения в научный оборот неизвестного (или ничтожно мало ведомого) наследия. В представляемом научном сборнике таким неизданным ранее наследием предстают автографические письма В. В. Мавродина, разбросанные по различным архивохранилищам России и Украины.

Говоря о собранных и публикуемых здесь воспоминаниях, следует отметить необычайную скромность их авторов. Во время личных бесед, например, с сыном авторитетного историка-методолога советского времени Александра Павловича Пронштейна доктором исторических наук, профессором и заведующим кафедрой Южного федерального (составной частью которого стал Ростовский государственный) университета Николаем Александровичем Мининковым, удалось узнать гораздо больше о взаимоотношениях ленинградского и ростовского коллег. Оба семейства связывали долголетние дружеские взаимоотношения. Однако это никак не отражалось на научной позиции ученых, где по отдельным вопросам имели место принципиальные дискуссии. К примеру, многим известно научное увлечение В. В. Мавродина изучением истории крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. А. П. Пронштейн же считал, что его ленинградский коллега преувеличивает роль некоторых факторов, а также процесс капитализации общества в целом.

Н. А. Мининков был непосредственно знаком и с А. Л. Шапиро, который был определен в ноябре 1978 г., вместе с А. Г. Маньковым, его оппонентом на защите кандидатского диссертационного исследования, а место председателя Ученого совета занимал тогда В. В. Мавродин.

Сергей Николаевич Азбелев, пройдя студенческую школу ленинградского истфака, все эти годы проработал в «Пушкинском Доме», став известным специалистом в области древнерусского фольклора, летописеведения, а также истории Новгородской земли. Для современного исследователя представляет особый интерес аккумулированный взгляд человека, не только знавшего изнутри, но и испытывавшего на себе разнообразные превратности той системы, порождавшей особый тип взаимоотношений, так называемое «клеветство».

Ценность и значимость воспоминаний людей, которые непосредственно были знакомы с выдающимися учеными советского времени, и, к тому же, сами являющиеся профессиональными исследователями, необычайно велика. Думается, им в большей мере дан моральный императив выносить те или иные суждения о личностях историков, их жизненной и научной позициях, проводить первичный сопоставительный анализ «героя»/«героев» и его/их взаимодействия с социокультурной средой.

Итак, Владимиру Васильевичу Мавродину в плане чествования в год столетнего юбилея, несомненно, если так можно выразиться, «повезло» больше, нежели его коллегам по ленинградскому истфаку — Семену Бенциановичу Окуню, Александру Львовичу Шапиро и московскому археологу Борису Александровичу Рыбакову. В конце марта — 27–28 числа — в стенах сохраненного в годы лихолетий его любимого детища — исторического факультета теперь уже Санкт-Петербургского государственного университета прошли очередные «Мавродинские чтения». Их проведение, как и издание сборников материалов, стало уже доброй традицией⁶. На юбилейных чтениях прозвучали воспоминания Даниила Натановича Альшица,

Рафаила Шоломовича Ганелина, Абрама Давыдовича Столяра и сына Владимира Васильевича — Валентина Владимировича Мавродина. К юбилею была переиздана книга В. В. Мавродина «Образование древнерусского государства»⁷.

Вместе с тем, было бы целесообразно на том же историческом факультете Санкт-Петербургского университета в этом, 2008-м, юбилейном году провести научное мероприятие, посвященное всем юбилярам. И вовсе необязательно показывать массовость такой конференции. Зачастую, довольно эффективными на практике оказываются узко-проблемные и умеренно-представительские научные форумы. В данном случае можно сделать доклады по основным проблемам исторического развития, которые изучались представителями так называемой ленинградской школы послевоенного периода. Именно на период второй половины 1940–1950-х гг. сложилась марксистско-ленинская концепция истории. Одновременно наблюдался сложный комплекс идеологических перипетий со стороны власти. Ввиду неординарности историографической ситуации было бы полезным проанализировать ее различные дискретные моменты на основе привлечения материалов личного происхождения. Иными словами — проследить непосредственное влияние авторитетных ученых на формирование той или иной концепции, а вместе с тем и воздействие на повседневную и творческую жизнь репрезентантов науки различных факторов-агентов. В отношении же Б. А. Рыбакова можно сказать, что и его исследовательская деятельность испытывала непосредственное влияние ленинградской социокультурной среды интеллектуалов-гуманитариев, при том также активно воздействуя на нее. Таким образом, проведение проблемного научного мероприятия и стало бы той данью памяти нашим известным ученым и коллегам — С. Б. Окуню, А. Л. Шапиро, В. В. Мавродину и Б. А. Рыбакову. Надеемся, что вышеотмеченное будет воспринято в качестве доброго пожелания.

И в заключение вступительных замечаний и пояснений к публикуемым здесь свидетельствам эпохи юбиляра хочется отметить следующее. Соприкасаясь с материалами, раскрывающими определенные аспекты жизненного и творческого пути В. В. Мавродина, невольно, но очень осязаемо чувствуется та обстановка, в которой приходилось творить всем названным виновникам отмечаемого на страницах данного издания торжества, зримо улавливаются коллизии амбивалентного влияния «власть — историк»/«историк — историописание».

Воспоминания С. Н. Азбелева и Н. А. Мининкова публикуются в авторской редакции.

Н. Н. Юсова, к. и. н.

* * *

«Вспоминая В. В. Мавродина — не забываем других»... Под таким заглавием Наталья Николаевна Юсова составила вступительное слово к публикуемым здесь воспоминаниям о Владимире Васильевиче Мавродине в апреле 2008 г. А 12 июля ее не стало, и трогательный заголовок обрел новый трагический смысл.

Идея отметить 100-летний юбилей Владимира Васильевича Мавродина родилась у Натальи Николаевны в Новогоднюю ночь, 1 января 2008 года. В очередном новогоднем письме она сообщила, что в 2008 г. исполняется 100 лет со дня рождения В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова и Ф. П. Филина, и предложила в готовящемся сбор-

нике научных статей сделать раздел, посвященный их совместному юбилею. Идея сразу же заразила сознанием уникальности и историографической ценности предполагаемого материала. В процессе поиска младших коллег и учеников юбиляров, которые смогли бы поделиться своими воспоминаниями о них, выяснилось (благодаря подсказке Александра Васильевича Антощенко), что сверстниками В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова и Ф. П. Филина были также С. Б. Окунь и А. Л. Шапиро. Работа шла по всем направлениям. Наталья Николаевна задействовала друзей и коллег из разных городов России и Украины, сама писала и звонила всем, кто мог бы помочь в составлении юбилейного раздела. Сразу же откликнулись С. Н. Азбелев и Н. А. Мининков, в короткий срок выславшие в редакцию свои воспоминания о В. В. Мавродине. Однако почтовая и телефонная связь, к сожалению, не всегда способны заменить собой беседы с глазу на глаз, особенно, когда дело касается такого сугубо личного вопроса как написание воспоминаний. Таковой же возможности не представилось. Положение осложнялось тем, что по первоначальному плану данный сборник должен был появиться на свет летом 2008 г., а потому сроки подготовки оказались максимально сжаты во времени. В итоге, к апрелю в распоряжении редакции имелись воспоминания Сергея Николаевича Азбелева и Николая Александровича Мининкова, а также блок автографических писем и телеграмм В. В. Мавродина, выявленных и подготовленных к предварительной публикации Натальей Николаевной и Святославом Леонидовичем Юсовыми.

Ответ на вопрос о том, кто будет писать вступление к разделу, составленному в честь юбилея В. В. Мавродина, был очевиден. Наталья Николаевна, посвятив себя изучению историографии проблем древнерусской народности в советской исторической науке 1930–1940-х гг., хорошо знала труды В. В. Мавродина, его биографию, круг научного общения, была лично знакома со многими из младших коллег и учеников ленинградского историка, общалась с Валентином Владимировичем Мавродиным. К концу апреля 2008 г. вступительное слово было готово в том виде, в каком оно опубликовано выше.

Но в силу разного рода причин и обстоятельств издание сборника отложилось. Отложилось на слишком долгий срок — на целую человеческую жизнь...

Осенью 2008 г. раздел пополнился воспоминаниями В. М. Панеяха, А. Н. Цамутали и В. В. Мавродина, с которыми прежде связаться не удалось. Повторяя наблюдение Натальи Николаевны, отметим, что в ходе личных бесед с авторами воспоминаний раскрывалось множество ярких и интересных страниц из жизни Владимира Васильевича, которые не вошли в публикуемые воспоминания. Остается уповать на то, что все сказанное, но недописанное, будет издано в отдельных томах их мемуаров.

Виктор Моисеевич Панеях, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, историограф, известный специалист в области древней истории России, впервые познакомился с В. В. Мавродиным на студенческой скамье истфака Ленинградского университета. Их более тесное знакомство состоялось в 1960-е гг., в период совместной работы над трехтомным исследованием по истории Пугачевского восстания. Позже, Виктор Моисеевич поспособствовал знакомству А. П. Пронштейна и В. В. Мавродина.

Ценными для современного исследователя советской исторической науки 1950–1970-х гг. представляются воспоминания Алексея Николаевича Цамутали, доктора исторических наук, заведующего отделом новой истории России Санкт-

Петербургского института истории РАН. Его студенческие, а затем и более зрелые впечатления о В. В. Мавродине, пропущенные сквозь собственный историографический опыт, являют пример критического осмысления неоднозначной и противоречивой эпохи в истории отечественной науки.

Яркие штрихи к портрету отца добавил Валентин Владимирович Мавродин, тоже историк, кандидат наук. Во время наших двух встреч Валентин Владимирович из памяти извлекал такие живые картинки из жизни Владимира Васильевича и так их образно передавал, что казалось — смотришь семейную кинохронику. Один из интереснейших сюжетов Валентин Владимирович доверил пересказать здесь, дабы восстановить историческую правду. Отметим, что ниже приведенный рассказ является еще и живой иллюстрацией к повседневной жизни советских граждан начала 1930-х гг.

Всем хорошо известно, что Владимир Васильевич родился в 1908 году в г. Кишиневе. Этот вполне обычный факт биографии историка получил, однако, неожиданное продолжение: В. В. Мавродин стал молдаванином. Национальная принадлежность настолько прочно закрепилась за ленинградским профессором, что к нему даже поступали предложения из Академии наук Молдавии занять самые престижные научные должности в республике с присвоением звания академика. И никто никогда не ставил под сомнение молдавское происхождение Владимира Васильевича. Позже это нашло свое закономерное отражение на страницах биографических исследований. Так, как же *русский* стал *молдаванином*?

В 1932 г. в СССР была введена паспортная система. Вся страна встала в очереди за доселе неизвестным большинству документом. Самым печальным же оказалось то, что с паспортом были плохо знакомы люди не только его получавшие, но и выдававшие этот главный документ гражданина Советского Союза. Молодой Владимир Мавродин вместе со своим товарищем в полной мере испытали на себе издержки новой системы.

Здесь стоит напомнить, что в дореволюционной России графы «Национальность» как таковой в документах и официальных опросниках не существовало. Для правительства того времени более важной представлялась вероисповедная самоидентификация подданных Империи. В новой, советской, России, борющейся за право наций на самоопределение, графа «Национальность» стала приоритетной. Однако большинство граждан страны к началу 1930-х гг. продолжало еще себя определять по религиозному, а не национальному признаку.

Но вернемся к очереди в паспортный стол, в которой стоят В. Мавродин и его товарищ. Сначала подошел черёд Владимира Васильевича. Открылось окошко, оттуда выглянула девушка в красной косынке и спросила фамилию.

— Мавродин, — ответил Владимир Васильевич.

— Получите и распишитесь, — сказала паспортистка, выдавая документ удостоверения личности.

Владимир Васильевич раскрыл паспорт и замер: в графе «Национальность» черным по белому было написано: «Молдаванин». Далее произошел примерно следующий диалог:

— Позвольте, девушка! Ну, какой же я молдаванин!? С чего Вы взяли!?

— Место рождения — Кишинев?

— Да.

— Следующий!

Новоявленный молдаванин отошел в сторонку, чтобы не задерживать очередь, и стал дожидаться товарища, привыкая к новой ипостаси. Невольно продолжая наблюдать за происходящим у паспортного стола, В. Мавродин заметил, как округлились глаза у стоявшего за ним друга по паспортному «несчастью», когда тот раскрыл свой паспорт. Девушка в красной косынке, как и в предыдущем случае, возражений не принимала. Впрочем, ознакомившись со своей «национальностью», товарищ В. Мавродина не мог вымолвить и слова. Как он потом рассказал, заполняя карточку, в графе «Национальность», по дореволюционной привычке указал свою вероисповедную принадлежность — «Иудей». В новом же паспорте безапелляционно красовалось: «Индеец».

Валентин Владимирович спрашивал отца, почему же он потом не исправил ошибку, была же возможность? Но Владимир Васильевич лишь отмахивался, говоря, что просто не обращал на это внимание и не придавал особого значения тому, какая национальность стоит у него в паспорте. И так «молдаванин» стал кочевать из одного документа в другой, потом в третий, оттуда — в биографические справки, а затем и в биографические исследования.

Рассказав эту историю, Валентин Владимирович сказал: «Ну, кто же мне теперь поверит?!». А кому же еще верить, если не сыну Владимира Васильевича!?

В заключение отметим, что в 2008 г. чествование юбиляров все же состоялось, хотя и не всех. Помимо Мавродинских чтений, которые выше подробно осветила Н. Н. Юсова, в Москве, 23 октября в рамках XXXIX Сергиевских чтений, несколько докладов было посвящено памяти Б. А. Рыбакова, а 4–5 декабря на Историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоится конференция, посвященная 100-летию юбилею со дня рождения А. Л. Шапиро.

К сожалению, 2008 год оказался богат не только на юбилеи. Теперь, вспоминая В. В. Мавродина, мы всегда будем вспоминать о Наталье Николаевне Юсовой.

Воспоминания публикуются в авторской редакции.

М. В. Друзин

Примечания

- 1 *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. 192 с.
- 2 Окунь Семен Бенцианович // Энциклопедия Санкт-Петербурга // <http://www.ensspb.ru/ru/article.php?kod=2805400188>, а также: <http://bse.sci-lib.com/article084141.html>
- 3 Шапиро Александр Львович // Энциклопедия Санкт-Петербурга // <http://www.ensspb.ru/ru/article.php?kod=2805400328>.
З. В. Дмитриева и А. Н. Цамутали отмечают обычно ошибочное указание в документах года рождения А. Л. Шапиро как 1905 г. (См.: *Дмитриева З. В., Цамутали А. Н.* Александр Львович Шапиро — ученый и педагог // Английская набережная, 4. [Вып. 1]. СПб., 1997).
- 4 Рыбаков Борис Александрович // <http://ru.wikipedia.org/wiki>, а также <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000031/st012.shtml>
- 5 НИОР РГБ. Ф. 521. К. 26. Д. 53. Рыбаков Б. А. Письмо к Рубинштейну Н. Л. 1943 г. На 2 л.
- 6 Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб., 1994; Мавродинские чтения. Сб. статей / Под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2002; Мавродинские чтения-2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского университета / Под. ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004.
- 7 *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. 591 с.

С. Н. Азбелев
Санкт-Петербург

Воспоминания о В. В. Мавродине

Владимир Васильевич никогда не был моим *официальным научным руководителем*: в Университете курсовые работы и дипломную я писал у других преподавателей; не он являлся формальным руководителем моей кандидатской диссертации. Мы вообще сравнительно редко с ним общались — кроме, конечно, неперемного моего присутствия на всех его лекциях, где я всегда сидел в первом ряду, поближе к кафедре, стараясь не пропустить ни одного слова. Я мог бы упомянуть нескольких не только превосходно знавших, но, по-видимому, и любивших свой предмет учителей тогдашнего студенчества среди профессоров Исторического факультета, который я окончил с отличием в 1955 году. Но называть настоящим своим УЧИТЕЛЕМ «с большой буквы» могу только Владимира Васильевича Мавродина.

Дело даже не в том, что лекции его были мне особенно близки по своей тематике, всегда богаты неординарным содержанием и читались с только ему одному свойственными теплотой и задушевностью. В то очень непростое время понастоящему честное преподавание отечественной истории требовало мужества. И им действительно обладал Владимир Васильевич — при внешней мягкости и даже покладистости своего характера. Он не заботился — как заботились, порой весьма старательно, иные профессора — о том, чтобы его лекционный курс воспринимался в фарватере то якобы незыблемых, то вдруг круто изменявшихся идеологических установок. Мавродин вообще к ситуациям НЕ ПРИСПОСАБИВАЛСЯ, а неуклонно предлагал в своих лекциях им самим разработанную и, можно даже сказать, им выстраданную концепцию истории Древней Руси. Кое-что в этой концепции могло претерпевать изменения, но они являлись результатами только внутренней эволюции научных представлений УЧЕНОГО.

Владимир Васильевич не получал самых престижных государственных премий и высоких академических званий — в то время, как получали другие, постаравшиеся не без успеха, чтобы к их трудам благосклонно отнесся «вождь народов» и «корифей науки», который присвоил себе высший арбитраж не только в ней, но и во всех областях человеческой деятельности. Мавродин ни к кому не подлаживался, и именно этому далеко не в последнюю очередь обязан был высочайший моральный его авторитет среди историков (и не только историков).

Независимость суждений, обоснование их широко проработанным и увлекательно подаваемым материалом — всегда обеспечивали «аншлаг» лекциям Владимира Васильевича, который читал их вполне академично, без «театральных эффектов», от чего не свободны были некоторые другие лекционные курсы.

Впрочем, нередко в его лекциях проскальзывал сдержанный добрый юмор, особенно свойственный Владимиру Васильевичу в «неформальных» ситуациях. Позволю себе привести пример из «опыта» первокурсника. Перед первой в моей жизни сессией профессор Мавродин, заканчивая свою финальную лекцию по истории Древней Руси, пожелал нашему курсу успешно сдать предстоящий экзамен (который сам же и принимал), сказав: «Ни пуха, ни пера!» По студенческой своей склонности к озорству, я, будучи старостой курса, встал и громко

произнес: «Идите к черту, Владимир Васильевич!». Направлявшийся к двери Мавродин обернулся и ответил с доброй улыбкой: «Я уже иду!» (можно предположить, что шел на прием к кому-либо из столпов тогдашнего университетского начальства).

На экзаменах он бывал благожелателен, но справедлив, и никогда не завышал оценки студентам, пытавшимся «понравиться» экзаменатору. Доброта Мавродина не была сродни доброте тогда же преподававшего на Истфаке престарелого академика В. В. Струве. Студенты шутили между собой, что если прочесть один раз его толстый учебник «История Древнего Востока», то пятерка от Василия Васильевича обеспечена, а если ни разу не прочесть, то обеспечена четверка. Ниже четверки он, кажется, действительно оценок тогда не ставил. Если Струве видел, что студент билета совсем не знает, то сам рассказывал ему ответ и сносно повторившему это студенту выставлял «хорошо» — добавляя с улыбкой обычные свои слова: «Голубчик, Вы меня утешили!».

Мавродин на экзаменах, конечно, требовал самостоятельного ответа. А если студент оказывался действительно хорошо знающим, то Владимир Васильевич не давал времени на слишком развернутое повествование по самому билету, а превращал экзамен в краткое собеседование, где студент мог уже обнаружить зарождение будущих своих научных интересов.

Именно профессор Мавродин стал «крестным отцом» первой моей статьи в вузовском научном журнале — статьи, которую я отважился представить на его суд, только завершив кандидатское сочинение. Эта небольшая публикация не была уже связана тематически с моей диссертацией, но появилась в «Вестнике Ленинградского университета» почти одновременно с ее защитой (ровно пятьдесят лет назад). В самой диссертации и в предшествовавших ей публикациях я тогда еще выступал только как источниковед (это было связано с тем, что в аспирантуру попал в литературоведческий институт). Однако статья моя, которую благословил печатать Владимир Васильевич, претендовала уже на решение «собственно исторического» вопроса: она называлась «Имели ли место сухопутные походы Руси на Константинополь?».

Кандидатская диссертация о новгородских летописях была через два года после защиты издана под маркой Академии наук в Новгороде, вопреки требованию Новгородского обкома КПСС рассыпать набор этой книги — под предлогом несоответствия ее содержания основному профилю тамошнего издательства. Книга вышла благодаря вмешательству двух академиков — М. П. Алексеева и В. В. Виноградова (возглавлявшего тогда Отделение литературы и языка Академии наук), которые сразу же обратились с аргументированными письмами к первому секретарю обкома. Готов был обратиться от лица Университета и декан Исторического факультета В. В. Мавродин, но давления со стороны Академии тогда оказалось достаточно.

Владимир Васильевич возглавлял и факультет, и его основную кафедру, однако далеко не просто оказалось ученикам и коллегам добиться издания сборника статей, посвященного юбилею В. В. Мавродина. Шестидесятилетие его было в 1968 году, но книга вышла только через три года. Участвовали в ней тридцать ученых-историков. Все они являлись либо преподавателями Университета, либо выпускниками Истфака. Памятуя благожелательную готовность Владимира Васильевича добиваться издания моей книги о новгородских летописях, я посвятил

свою статью юбилейного сборника отражению в этих летописях Куликовской битвы (790-летие ее отмечалось годом ранее, а издание посвященных ей источников было отрецензировано в «Известиях Академии наук» именно В. В. Мавродиным — в том же году, когда упомянутая моя книга все же увидела свет).

Изредка мне доводилось видеть профессора Мавродина в обстановке неофициальной. Однажды в 1970-х годах я был на его даче в Зеленогорске, куда он пригласил меня, чтобы дать письменную рекомендацию моей статье, которую в то время сложно было опубликовать. Много позже я оказался его соседом за столом на свадьбе оканчивавшего Истфак студента (который только что получил от меня редакторское добро на публикацию первой своей работы в фольклористическом научном сборнике). Разница в возрасте между деканом Мавродиным и мной тогда уже не очень ощущалась.

Остроумный собеседник, постоянно пересыпавший разговор шутками и всегда очень удачным цитированием на память русской классической литературы и даже классического древнерусского фольклора, Владимир Васильевич был в общении незабываемо прост и доброжелателен.

Январь 2008 г.

Н. А. Мининков
Ростов-на-Дону

Владимир Васильевич Мавродин **(краткие воспоминания)**

О Владимире Васильевиче Мавродине я слышал еще с первого курса учебы на историческом факультете Ростовского госуниверситета. Во-первых, о нем нам рассказывала Ангелина Григорьевна Задёра, которая читала нам историю СССР периода до конца XVIII в., при изучении разных тем курса — от происхождения государства на Руси до восстания Е. Пугачева. С этими, как и со многими другими темами, были связаны труды ленинградского историка. Во-вторых, более углубленно с его трудами мне довелось познакомиться самому в связи с изучением истории донского казачества за период с XVI до начала XVIII вв., которая оказалась в центре моего внимания. Уже студентом я обратил внимание на широту научных интересов ученого, глубокое знание им историографии и источников, на аргументированность положений и выводов, и в то же время на оригинальность и смелость отдельных построений, относившихся, в частности, к проблеме происхождения казачества и дискуссии по вопросу о существовании исторических предшественников казачества вроде бродников.

Весной 1978 г. у меня состоялось личное знакомство с выдающимся историком. В то время я выезжал в Ленинград на обсуждение своей кандидатской диссертации. Она была посвящена политике московского правительства на Дону за период с XVI в. до 1671 г., когда было подавлено Разинское восстание. Обсуждение проходило на кафедре истории СССР периода феодализма, которой заведовал Владимир Васильевич. Основным докладчиком по моему вопросу выступал

в то время молодой еще доцент Александр Якимович Дегтярев. Однако и Владимир Васильевич, несмотря на всю свою загруженность, очень основательно, как я понял, познакомился с моим текстом и дал ценные советы. Уже в то время самое благоприятное впечатление на меня произвела дружеская, демократичная обстановка на кафедре, включавшей в свой состав таких видных, помимо самого заведующего, историков, как Александр Львович Шапиро и Руслан Григорьевич Скрынников. Тогда мне стало понятно, что руководителем такого коллектива мог быть не только крупный ученый, но и масштабная личность.

Второй раз мне довелось увидеть Владимира Васильевича в ноябре того же года, когда в Совете при историческом факультете ЛГУ я защищал кандидатскую диссертацию. Он был тогда председателем специализированного совета. Запомнилось его выступление в ходе обсуждения моей работы. Он очень доброжелательно отнесся к ней. В то же время, подводя итог предыдущим выступлениям, он указал на те положения, которые нуждались в дальнейшей доработке. За глубокое личное участие, проявленное Владимиром Васильевичем в период обсуждения и в период моей защиты кандидатской диссертации, я ему очень благодарен.

Увидеть Владимира Васильевича в дальнейшем мне не пришлось. Однако с некоторыми его трудами мне довелось более углубленно познакомиться. Это, прежде всего, касалось фундаментального трехтомного исследования по истории Пугачевского восстания, выполненного коллективом ленинградских историков в 60-х – 70-х годах. В частности, обращал на себя внимание первый том, написанный целиком Владимиром Васильевичем и относившийся к историографии восстания и к источниковой базе по этой проблеме. Вплоть до наших дней он интересен не только своим содержанием, но и тем, что в нем заключается своего рода образец написания историографического обзора крупной проблемы. Его внимательный анализ дает, кроме того, представление по дискуссионной к настоящему времени проблеме объекта историографического исследования и определения круга историографических источников и историографических фактов. Судя по приведенному Владимиром Васильевичем материалу, относящемуся к историографии пугачевского восстания, историографическое исследование может включать в себя весь комплекс материалов, характеризующих состояние не только исторической науки, но и в целом общественно-исторической мысли. В этой связи не случайно им было обращено самое серьезное внимание на такие нетрадиционные историографические источники, как фольклор и произведения художественной литературы, относившиеся к теме Пугачевского восстания и к биографии его предводителя.

Благодарная память о Владимире Васильевиче сохранилась среди историков, и, в частности, о нем и его трудах помнят в нынешнем Южном федеральном университете. На историческом факультете СПбГУ регулярно проводятся Мавродинские чтения. На одном из них, в 1994 г., мне пришлось участвовать. Несомненно, что бурная, переломная эпоха тех сложных, но очень интересных, замечательных и памятных 90-х годов, с их духом свободы и раскрепощения мысли, наложила свой отпечаток на проведение чтений. Поэтому не случайно, что характерной их чертой было незримое, но вполне ощущаемое присутствие при обсуждении вопросов истории острых проблем современности. Вместе с тем дух научного поиска, который всегда был характерен для исторического факультета

ЛГУ при Владимире Васильевиче, в полной мере сохранялся. По крайней мере, участники конференции не только могли выносить на суд коллег свои идеи, но и сопоставлять с теми высокими стандартами научности, которые сложились на историческом факультете ЛГУ в результате, в том числе, научной деятельности Владимира Васильевича.

В настоящее время, на нынешнем витке развития исторической мысли и осмысления историографического наследия прошлых лет, вполне, как представляется, назрела необходимость специального изучения вклада в историческую науку В. В. Мавродина. Тема интересна не только сама по себе, ввиду масштабов личности ученого и значимости его трудов. Она представит несомненный интерес ввиду того, что при ее исследовании историк сможет погрузиться в непростую обстановку, в которой жила отечественная историческая наука в период жизни и деятельности Владимира Васильевича и дать более глубокое и взвешенное представление о ней самой и о том периоде развития отечественной истории и культуры.

[Январь 2008 г.]

В. М. Панях
Санкт-Петербург

В. В. Мавродин — руководитель работы по исследованию пугачевского восстания

В. В. Мавродин в конце 50-х годов XX в. поставил перед собой цель — подготовить обобщающее исследование о восстании под предводительством Емельяна Пугачева. Первым шагом на этом пути стало написание им первого тома, посвященного его своего рода предыстории¹. Книга распалась на две, строго говоря, не связанные между собой части. В первой автор исследовал историографию крестьянской войны, которую он рассматривал расширительно — освещал не только изучение восстания исторической наукой, в том числе зарубежной, но и его отражение в общественно-политической мысли, художественной литературе, устном народном творчестве и искусстве. Во второй части В. В. Мавродин исследовал классовую борьбу перед восстанием Пугачева.

Еще до выхода в свет первого тома исследования В. В. Мавродин, вероятно, понял, что дальнейшая работа затянется на долгие годы, если не десятилетия. Поэтому он принял решение о комплектовании авторского коллектива и обратился с этой целью в дирекцию Института истории АН СССР и к руководству его Ленинградского отделения (ЛОИИ). Ответ был положительным. Институт предложил включить в коллектив А. И. Андрущенко, М. Д. Курмачеву и Р. В. Овчинникова, занимавшихся этой проблематикой, а ЛОИИ — Ю. А. Лимонова, Л. С. Прокофьеву и меня, никогда прежде не соприкасавшихся с историей России второй половины XVIII в. Незадолго до этого я закончил аспирантуру в

¹ *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1961. Т. I.

ЛОИИ и оставался без работы. Дело было представлено таким образом, будто бы меня оставляют в ЛОИИ при условии, что я возьмусь за эту работу. В. В. Мавродин тогда вновь после долгого перерыва стал деканом истфака ЛГУ и заведующим кафедрой истории СССР. Он пригласил меня на кафедру и уговаривал не отказываться от этого предложения, и я решил согласиться.

В. В. я помнил по студенческим годам, когда он, будучи деканом исторического факультета и заведующим кафедрой истории СССР, читал на первом курсе общий курс истории России до XVIII в. включительно. Он был доброжелательным и добрым человеком, его любили и уважали студенты.

В конце 40-х – начале 50-х годов в условиях гонений и проработок В. В. лишился всего: поста декана, затем заведующего кафедрой. В конечном счете, он был уволен из университета и исключен из рядов КПСС, выдворен из служебной квартиры во дворе университета и жил на даче в Зеленогорске. Говорили, что он пишет книгу.

Меня В. В. знал как ученика Б. А. Романова, к которому он относился с глубоким уважением и пригласил его в 1944 г. на работу в университете. Весной 1953 г., когда В. В. вернули на истфак, но еще не восстановили в партии, я, пятикурсник, зашел на кафедру, чтобы выразить В. В. свое удовлетворение тем, что вижу его вновь на факультете.

Для дальнейших переговоров о работе над историей пугачевского восстания В. В. пригласил меня к себе на дачу, где познакомил с планом работы, который он подготовил. Тут же В. В. попросил меня стать «бригадиром» коллективного труда. Я легко согласился, полагая, что на меня будут возложены организационные функции – переписка с иногородними авторами, получение в срок уже написанных глав и тому подобная работа. Первое время этим все и ограничивалось, и я засел за работу над своими главами.

Вскоре, однако, выяснилось, что силами ЛГУ и Института истории (включая ЛОИИ) такое объемное и многоаспектное исследование не одолеть, и В. В. привлек еще авторов из числа бывших аспирантов и стажеров. В результате в авторский коллектив влились также Н. И. Сергеева из Ленинградского библиотечного института, Д. Ш. Сот из пушкинского заповедника в Михайловском, И. З. Кадсон из Музея истории религии и атеизма, Е. И. Глазатова из Читы, Г. И. Семенюк из Алма-Аты, аспирант Л. Д. Рысляев и ряд других. Перед началом работы В. В. созвал совещание, на котором был уточнен план издания второго тома, распределены задания и уточнены сроки их выполнения – 1964 г.

Работать с В. В. было легко. Он был человеком доступным, не чванным и склонным идти на уступки. Он умело гасил конфликты, неизбежно возникавшие в коллективе, в котором авторы по-разному понимали свои задачи и не всегда были склонны согласовывать свои интересы с интересами других. Ситуация обострилась, когда наступило время представлять написанные главы. Они разительно не совпадали по стилю, глубине исследования и другим параметрам. В. В. к этому времени получил квартиру в городе и встречи с ним были облегчены. Он и позвал меня для обсуждения возникших затруднений.

В. В. предложил мне включиться в редактирование текстов: разные тексты редактирует каждый из нас, а затем обмениваемся ими и проходимся по ним вторично. Здесь впервые и возникли казалось бы непреодолимые противоречия. Мне В. В. поручил сообщать иногородним авторам о результатах проделанной

редакторской работы. Их недовольство было адресовано мне, как автору писем. Тут вступал в дело В. В. Иногда он соглашался с возражениями, иногда делал вид, что соглашался, иногда писал умиротворяющие, но ни к чему не обязывающие письма.

В самом начале этой работы мне пришла пора защищать кандидатскую диссертацию на историческом факультете ЛГУ, поскольку в своем учреждении тогда это делать было запрещено. Я и обратился к В. В., понимая, что там стоит длинная очередь. Он сказал мне сакраментальную фразу, которую я слышал от него в других случаях: «Как говорили в Одессе, если церковь полна, губернатору всегда найдется место». Более того, он вызвался быть моим официальным оппонентом.

Мы с ним отлично ладили, пока я не стал предъявлять авторам, с точки зрения В. В., завышенные требования. «Знаете, — сказал он, — мы с Вами принадлежим к разным школам. Я не люблю делать события из выеденного яйца». Я возразил, выразив мнение, что иногда это необходимо. «Нет, — отрезал он, — придется не заходить так далеко».

Когда мы сдавали второй том в Издательство ЛГУ, стало ясно, что представленный материал не умещается в два тома. Пока шла работа с редактором издательства, чтение корректур и прочее, мы сформировали еще два тома коллективного труда и готовились к работе с авторами. В 1966 г. вышел в свет второй том¹.

Вскоре после издания второго тома выяснилось, что издательство отказалось выпускать еще два тома, предложив ограничиться одним. Сложность ситуации состояла в том, что авторские тексты были уже подготовлены. В. В. поручил мне провести необходимые сокращения, что я и попытался сделать. Во время согласования преобразованных текстов возник скандал: А. И. Андрущенко и моя коллега по ЛОИИ Л. С. Прокофьева пожаловались в московскую дирекцию. Но поскольку В. В. Мавродин ей не подчинялся, то гнев начальства был направлен на меня. Дело было так. Однажды мне позвонила из Москвы сотрудница Института, включенная в авторский коллектив, М. Д. Курмачева и с тревогой сообщила, что ее вызвал заместитель директора Института истории Л. С. Гапоненко и потребовал, чтобы она дала ему телефон В. В. Мавродина, чтобы пожаловаться на меня. Она сказала, что его не знает, и спросила меня, что делать. Я пошел к В. В., который просил передать ей, чтобы она сообщила Л. С. Гапоненко его телефон. Одновременно он написал ему письмо с объяснением, чем вызвано сокращение объема работ. Казалось, конфликт был погашен.

Но вскоре на Ученом совете ЛОИИ выступили директор Института В. М. Хвостов и его заместитель Л. С. Гапоненко. Это был один из эпизодов борьбы дирекции с Н. Е. Носовым, исполнявшим обязанности зав. ЛОИИ. В выступлении Л. С. Гапоненко были перечислены прегрешения Н. Е. Носова, среди которых названо неправильное распределение обязанностей. Например, младший научный сотрудник редактирует важный коллективный труд. Речь, разумеется, шла обо мне. В конечном счете, после каких-то действий В. В. этот выпад не имел

¹ Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева / Отв. ред. проф. В. В. Мавродин. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1966. Т. II. Перед выходом в свет этого тома В. В. предложил мне выпустить том под редакцией двух лиц — его и меня. Я отказался, и В. В. в конце предисловия написал: «Редакторами второго тома являются В. В. Мавродин и В. М. Панеях» (с. 4). И это указание, как оказалось, вызвало скандал.

последствий. В 1970 г. вышел в свет третий, последний, том истории пугачевского восстания^I.

На оба тома появились рецензии. Одна из них была весьма комплиментарна^{II}. В другой были поставлены серьезные проблемы и прозвучала острая критика всего издания^{III}. В оценке этой критической статьи мы с В. В. разошлись. Он был уязвлен, а я считал, что в ней много справедливых замечаний. В. В. предложил мне написать вдвоем ответ, но я отказался. В. В. вроде бы обиделся — тем более, что кто-то ему сообщил о моей беседе с авторами статьи, в ходе которой я говорил о их правоте. Впрочем, эта обида не перешла в неприязнь: в 1974 г., когда я защищал докторскую диссертацию, В. В. присутствовал, а потом почтил меня, придя с женой на банкет.

Побочным результатом нашей общей работы стала популярная книга, написанная Ю. А. Лимоновым, В. В. Мавродиным и мной^{IV}, в которой дана серия исторических портретов.

[Октябрь 2008 г.]

А. Н. Цамутали
Санкт-Петербург

Несколько слов о Владимире Васильевиче Мавродине

Владимира Васильевича Мавродина я впервые увидел, когда поступил осенью 1948 г. на исторический факультет Ленинградского университета. Тогда же я узнал, что он возглавляет исторический факультет и кафедру истории СССР. Впоследствии, после окончания университета мне не раз приходилось сталкиваться с В. В. Быстро летело время. Кое-кто из тех, кто в мое время были студентами или аспирантами, защищали диссертации, становились доцентами и профессорами, даже возглавляли кафедры на историческом факультете. В. В. долгие годы оставался и деканом факультета, и заведующим кафедрой истории СССР. Поэтому в разные годы поводы для встреч с ним менялись.

В первые же дни занятий в университете я услышал от студентов, что В. В. во всех своих ипостасях очень доступен и доброжелателен. Вскоре я в этом мог убедиться. В. В. мог разрешить студенту, у которого вдруг возникли неприятности со здоровьем, на какое-то время дать краткосрочный отпуск, а студентке, у которой не было иных средств к существованию кроме студенческой стипендии, пользоваться «свободным расписанием». На старших курсах многие студенты,

^I Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева / Ответственный редактор профессор В. В. Мавродин. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1970. Т. III.

^{II} Ее написали А. П. Пронштейн и А. А. Пушкаренко: История СССР. 1968. № 4. С. 145–148.

^{III} Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773–1775 гг. // История СССР. 1972. № 2. С. 71–88.

^{IV} Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965. Второе издание вышло в 1974 г.

особенно те, кто вернулся с войны, иногда успевали в течение года сдать экзамены за два курса. Так же доброжелательны и внимательны к студентами были заместитель декана по студенческим делам Анна Николаевна Вигдорчик и секретарь деканата Валентина Константиновна Анисимова. К нашему сожалению В. В. был освобожден от обязанностей декана. Покинула свой пост и Анна Николаевна. Новый заместитель декана по студенческим делам начал с того, что собрал в своем кабинете старост студенческих групп и произнес речь, которой предпослал афоризм: «Староста — собака в группе».

К В. В. часто обращались студенты и с вопросами, касавшимися читаемого им курса. При этом не только подходили к нему в перерыве между лекциями. Часто и на кафедре истории СССР, и около кабинета декана в ожидании прихода В. В. сидел кто-нибудь из наиболее бойких студентов. Я к числу последних не принадлежал, но стал ближе соприкасаться с В. В., наверное, на IV курсе. В это время я был членом факультетского Совета Студенческого научного общества (СНО) и редактором «Бюллетеня СНО». Какое-то время В. В. был своего рода куратором факультетского СНО (не помню, как он официально именовался). Надо сказать, что и раньше В. В. был внимателен к СНО. Студенты, занимавшиеся в его семинаре, делали доклады на заседаниях кружка истории СССР. Один из таких докладов, посвященный проблемам, связанным с движением (восстанием) Емельяна Пугачева, читал Илья Зиновьевич Кадсон. Детали не сохранились в памяти. Но помню, что в обсуждении этого доклада участвовала Александра Дмитриевна Люблинская, которая полемизировала с докладчиком по поводу его соображений о степени стихийности в ходе крестьянских движений. Присутствовал на заседании и В. В. На заседании кафедры истории СССР один из руководителей кружка Олег Александрович Ваганов выступил с докладом о работе кружка. Доклад вызвал оживленные прения. В памяти остались выступления, касавшиеся трудностей, связанных с работой по истории СССР советского периода. Выступавшие говорили о том, что трудно получить доступ не только к архивным документам, но и к газетам, особенно 1917–1939 гг. В. В., как мне показалось, понимал, что проблему доступа к такого рода источникам усилием факультета решить трудно и советовал давать студентам темы, которые можно изучать, пользуясь опубликованными документами. Помню, что как возможную тему он называл «Военные взгляды М. В. Фрунзе», советовал изучать опубликованные труды и выступления. Заниматься делами факультетского СНО В. В. пришлось в трудное для него время. Он был освобожден от обязанностей и декана, и заведующего кафедрой. На доске объявлений на белом листе бумаги от руки, но броско было написано извещение о закрытом партийном собрании, созываемом для обсуждения «персонального дела» В. В. Несмотря на эти неприятности, В. В. не подавал виду, участвовал в заседаниях Совета СНО, помогал в проведении заседаний и конференций.

Какое-то время после окончания университета я не видел В. В. Но, наверное, в 1954 г. я встретил В. В. на Литейном проспекте. В ответ на мой поклон он не только ответил, но остановился и вытащил из портфеля большой том «Очерков истории СССР. Период феодализма» и атлас с разными породами птиц. Очень оживленно В. В. стал рассказывать о своем участии в подготовке только что приобретенного тома «Очерков», с улыбкой подчеркнув, что в числе написанных им глав и разделов есть и раздел о Тьмутараканском княжестве. Затем В. В. сказал,

что «у каждого свой бзык», что в переводе с польского означает «увлечение», что его «бзык» — охота. Вскоре после этой встречи я стал бывать на историческом факультете, так как благодаря содействию тогдашнего ректора математика Александра Даниловича Александрова стал соискателем и начал сдавать экзамены по программе кандидатского минимума. В. В. не входил в состав экзаменационных комиссий, но, встречая меня, всегда подбадривал и желал хороших отметок. Быстро сдал минимум, я довольно долго тянул с написанием диссертации. Наконец, в начале 1960-х гг. она была готова. Для защиты стали требовать опубликованные статьи. Здесь мне опять-таки помогли, как в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ), где я числился заочным аспирантом с 1957 г. и работал младшим научным сотрудником с 1962 г., так и на историческом факультете Ленинградского университета. В «Вестнике Ленинградского университета» была напечатана моя статья «И. Г. Прыжов — историк-революционер». С публикацией этой статьи мне помогли Лидия Ефимовна Анкудинова — ответственный секретарь редакции «Вестника», Юрий Давидович Марголис, рецензировавший мою статью, Семен Бенцианович Окунь, возглавлявший сектор на кафедре истории СССР, и, конечно же, В. В.

В то время, когда подошел мой срок защищать диссертацию, существовало вскоре отмененное правило, требовавшее: защищать диссертацию следует не по месту работы. Вместе с ученым секретарем Ученого совета исторического факультета ЛГУ Леонидом Сергеевичем Семёновым, тоже всячески мне помогавшим, я пошел к В. В. Тот выслушал нас, долго молчал, затем сказал: «В церкви теснота, места нет. Но пришел губернатор — место нашлось». Моя защита была назначена на самый конец июня 1964-го, на последнее заседание в 1963/64 учебном году. Под председательством В. В. прошло заседание, на котором мне довелось защищать диссертацию. В. В. поздравил меня с успешной защитой.

Круг обязанностей декана и заведующего кафедрой и широк, и исполнение этих обязанностей сопряжено с немалыми трудностями. Я оказывался в отношениях с В. В. в ситуациях, когда видел с его стороны и доброжелательность, и готовность помочь. Разумеется, я был лишь одним из многих, с кем приходилось сталкиваться В. В. К тому же я был далек от повседневной жизни исторического факультета. Я понимаю, как трудно было В. В. держать в руках исторический факультет. Приходилось мне слышать и критические замечания, как от его ровесников, так и от тех, кто примерно в одно время со мной был студентом, а затем, в отличие от меня, работал на историческом факультете, и потому те и другие видели В. В. в ином ракурсе, чем я. Так, близкие к В. В. люди, по их словам, спрашивали В. В., как он, будучи деканом, терпел на факультете преподавателей, не блиставших способностями, но известных, мягко говоря, скандальным характером. В. В. отвечал, что в винегрете должны быть всякие овощи. Исходя из этой формулы, наверное, следует признать, что, сохраняя (пока он мог это делать) таких профессоров, как Борис Александрович Романов, Сигизмунд Натанович Валк и им подобных, В. В. создавал равновесие, при котором влияние немногочисленных отрицательных фигур нейтрализовалось. Приходилось мне слышать и о том, что, как декан, В. В. порой, когда, например, речь шла о распределении ставок между кафедрами, занимал жесткую позицию. Впрочем, такого рода штрихи не меняли общего доброжелательного отношения к В. В. Я, например, присутствовал на чествовании В. В. в день его 50-летия. На факультете кроме преподавателей и сту-

дентов собралось немало выпускников, среди которых было несколько человек, окончивших университет еще до войны.

Ближние ученики В. В. писали о нем и как о человеке, и как о лекторе и исследователе. Тем не менее, мне хотелось поделиться собственными впечатлениями, прежде всего о В. В., каким он был в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Лекции по истории СССР В. В. читал всегда в аудитории, которая тогда носила № 53, а теперь, кажется, названа в честь В. В. Мавродинской. Трудно было занять место поблизости от кафедры. Я обычно прибегал за несколько минут до начала лекции и сидел где-нибудь в середине или даже в конце аудитории. Тем не менее голос В. В. был слышен хорошо. Отмечу одну из особенностей лекций, читавшихся В. В. осенью 1948 г. Они были насыщены сведениями об археологических памятниках. Я впервые услышал о Трипольской культуре. В общую канву повествования вплетались сюжеты из русских былин. При этом В. В. иной раз привлекал внимание слушателей несколько неожиданными размышлениями. Так, образно описав былинных богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алёшу Поповича, он вдруг говорил, что, возможно, они были реальными историческими персонажами, образы которых запечатлелись в памяти сначала современников, а затем и потомков. Нет документальных доказательств, что эти богатыри были, но нет и доказательств того, что их не было. При этом В. В. хитро улыбался, предоставляя первокурсникам самим решать, были в действительности такие богатыри или нет. В. В. иногда вспоминал об аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Среди тех, у кого он учился, В. В. часто называл Николая Яковлевича Марра. Рассказывая, как молодые аспиранты окружали Н. Я. Марра, имитировал его речь с кавказским акцентом и южным темпераментом. Влияние идей Марра, видимо, в чем-то сказывалось в лекциях тех лет. Помню, что В. В. говорил, что «волнами, волнами» перемещались те или иные племена и народы. Подчеркивал В. В. особенности созданной при Петре I русской армии, противопоставляя её наёмным армиям западно-европейских стран.

Обосновывая свои взгляды, например, относительно причин распада Киевской Руси на отдельные княжества, В. В. критиковал взгляды дореволюционных историков, в частности, В. О. Ключевского. Вместе с тем отдавал должное их трудам, как содержащим богатый материал и хорошо написанным, советовал читать их работы, особенно В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Под влиянием В. В. весной 1949 г. в букинистическом магазине на Невском (не доходя до Литейного проспекта) я купил «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – начала XVII вв.» С. Ф. Платонова. От В. В. я впервые услышал и про лекцию В. О. Ключевского «Предки Евгения Онегина». Прочел её, а потом потихоньку стал брать в библиотеке и читать том за томом «Курс русской истории». У меня, вообще-то, было впечатление, что В. В. не раз советовал нам обратить внимание на эти хотя и содержавшие концептуальные ошибки, но полезные для нас труды. Не знаю, повторял ли В. В. призывы читать Ключевского и Платонова в последующие годы.

Признаюсь, что я оказался не готов к тому, чтобы постигнуть содержание книги В. В. «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945). Эта книга была рекомендована в числе других для конспектирования на I курсе. Каждый студент должен был законспектировать одну монографию. Этому придавалось

большое значение, и я помню, как в неожиданной для меня ситуации комсорг нашей группы Руслан Григорьевич Скрынников спросил, как у меня обстоят дела с монографией. Дела обстояли плохо. Я запутался среди протославян и протофиннов, других непонятных мне, вчерашнему школьнику, терминов, щедро рассыпанных на страницах монографии В. В. об образовании Древнерусского государства. Выход я нашел неожиданный, обратившись, к неудовольствию моих однокурсников искусствоведов, к книге М. Н. Тихомирова «Русские города». Конспект по этой книге я составил, а Р. Г. Скрынников перешел в другую группу, где занятия вел Б. А. Романов. Много лет спустя в уже пожелтевших номерах журнала «Вопросы истории» я прочел рецензию Н. Л. Рубинштейна и К. В. Базилевича, у которых, оказывается, тоже были недоуменные вопросы по поводу отдельных мест в книгах В. В. Несмотря на первую неудачу с изучением трудов В. В., я внимательно следил за его новыми работами.

Я вновь обратился к трудам В. В. по истории Киевской Руси в конце 1960х – 1970-е гг. Занимаясь историческими взглядами русских историков XIX – начала XX вв., я должен был обратиться и к трудам, написанным в более поздние годы. О своем неудачном опыте изучения трудов В. В. в студенческие годы я рассказал С. Н. Валку. Отвечая мне, С. Н. Валк сказал, что В. В. в ранних работах ставил немало новых интересных вопросов, вовлекая тем самым и в дискуссию, и в дальнейшее изучение конкретных проблем. При этом С. Н. добавил, что с его точки зрения, наиболее значительной среди ранних работ В. В. являются его «Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.)», вышедшие в свет в издательстве Ленинградского университета в 1940 г. и принесшие автору ученую степень доктора исторических наук.

У меня сложилось впечатление, что В. В. в глубине души не был сторонником защиты устоявшихся концепций, стремился к поиску новых решений и новых построений. Как мне представляется, он и своим ученикам предоставлял возможность каждому искать свой путь в науке. Когда создавался усилиями университета и ЛОИИ труд по историографии и источниковедению Киевской Руси, я оказался в числе его рецензентов. Читая рукописи и наблюдая за работой редколлегии, за взаимоотношениями между авторами этого труда, я впервые близко столкнулся с тем, насколько по-разному на многие проблемы истории Киевской Руси смотрят два ученика В. В. — Михаил Борисович Свердлов и Игорь Яковлевич Фроянов. Оба боготворили В. В., а он был благосклонен к ним обоим. Мне пришло в голову, что сам В. В. считает возможным развитие разных концепций с тем, что постепенно сложится какая-то третья, возможно более объективная, чем другие, концепция.

Помимо рассказов о Н. Я. Марре, от В. В. я слышал о том, как в горниле ГАИМК рождались новые идеи и концепции. Кстати сказать, в одной из своих статей, посвященных Б. Д. Грекову, которого В. В. считал и называл учителем, очень почитал и уважал, дана живая картинка, воссоздающая общую атмосферу в ГАИМК. Повествуя о том, как «энергично и весьма плодотворно Борис Дмитриевич приступил к разработке проблем Киевской Руси с осени 1930 г., когда он начал работать в секторе феодализма Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), возглавляемой Н. Я. Марром»¹, В. В. писал: «ГАИМК

¹ *Мавродин В. В.* Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со Дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 38.

в начале 30-х годов представляла бурлящий котел идей и страстей. Она отдала дань времени, когда основным содержанием деятельности гуманитарных научных учреждений и высших учебных заведений являлись обсуждения кардинальных проблем исторического развития, диспуты, дискуссии, нередко носившие очень острый политический характер»¹. Среди тех, кто «варился» в этом котле, было немало впоследствии известных историков и археологов. Среди них был и Иван Иванович Смирнов, которого я знал, так как, будучи студентом университета, читал его книгу о восстании Болотникова, видел в те дни, когда он приезжал на защиту диссертаций и дипломных работ, а позже — как младший коллега в ЛОИИ. На мою долю выпало идти в университет и сообщить там печальную весть о смерти Ивана Ивановича. Почти подойдя к дверям исторического факультета, я встретил В. В., который шел мне навстречу вместе с кем-то из коллег. Помню, как в ответ на мои слова о случившемся, В. В. остановился и сказал: «Ивана не стало. Иван умер». Я почувствовал, что у В. В. многое связано с И. И. Смирновым, что его смерть большая для него потеря. Рассказывал В. В. и о лицах, о которых мне приходилось только слышать. Так, он не раз вспоминал М. М. Цвибака, как историка, у которого всегда было много идей, которые он разбрасывал, не будучи особенно озабочен тем, чтобы самому их четко обобщить и сформулировать.

Такого рода детали, характеризовавшие особенности научной жизни в исторических учреждениях Ленинграда, не раз мелькали в разговорах, которые приходилось мне вести с В. В. В моей памяти В. В. остался очень интересным и вместе с тем сложным Человеком. Невольно думаю, что многое из того, что он видел и знал, навсегда ушло вместе с ним. В моей же жизни он оказался одним из тех, кто не раз помог мне и в житейских ситуациях, и в моих занятиях историей.

[Октябрь 2008 г.]

В. В. Мавродин
Санкт-Петербург

Из несохранившегося архива Владимира Васильевича Мавродина

Мой отец получал очень много писем, открыток и телеграмм, но рассказать о них трудно. И вот почему. Всю корреспонденцию он хранил долго — месяцами и даже годами, потом собирал, укладывал стопкой, перевязывал, всегда только рыболовной леской, и увозил на дачу. Там очень внимательно перечитывал каждое, а потом сжигал. Почему он так делал, я не знаю, и никогда об этом его не спрашивал, можно лишь предполагать. Но ни в коем случае в этом нельзя усматривать пренебрежения к людям. Полагаю, что со мною согласятся все, кто с ним встречался хотя бы мимолетно, не говоря уже о его коллегах и учениках.

Писем отец мне не читал, но бывали исключения. В. С. Пикуль обратился к нему с просьбой написать предисловие к роману «Слово и дело». Отец написал

¹ Там же. С. 39.

предисловие¹ за один день и попросил меня напечатать и отправить его В. Пикулю. Прочитав предисловие, я сказал отцу: «Ну, что же ты наделал!?». Он изумленно спросил: «А что, плохое предисловие?». Я ничего ответить на его вопрос не мог. Роман В. Пикуля я не читал, но почувствовал, что после такого предисловия его можно не читать. Каково же было мое удивление словам В. Пикуля, содержащимся в письме к отцу. А написано там было буквально следующее: «Дорогой Владимир Васильевич! Счастлив, что под одной обложкой поместятся наши имена. Но после Вашего предисловия мой роман можно уже и не читать». Письмо это тоже не сохранилось, но первые строки я запомнил, почему и позволил себе такую цитату.

Отец обладал уникальным даром популяризации. Не раз, когда к нему обращались как к специалисту по Петру I, отец отвечал: «Я не специалист по Петру I. Я его популяризатор».

Одно письмо мне всё-таки удалось сберечь. К стыду своему добавлю. В этом письме Михаила Тимофеевича Калашникова, адресованном отцу, речь идет об автореферате моей диссертации. Я взял это письмо себе и сохранил. Вот его полный текст:

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Получил автореферат Вашего сына, из которого видно, что Валентин добросовестно поработал над весьма сложной темой о перевооружении русской армии и флота стрелковым оружием.

В историческом аспекте, подробно проанализирован интереснейший период конструктивного совершенствования ручного огнестрельного оружия.

После четырех столетий медленного, постепенного совершенствования его отдельных элементов (замки, технология изготовления стволов и др.) наступает период бурного развития конструкторской мысли, поиска новых принципов и радикальной ломки традиционного подхода к решению задач, сравнимый разве с этапом, наступившим после первой мировой войны в области автоматического оружия (подчеркнуто мною. — В. М.).

Совершенно правильно отражена историческая необходимость этого процесса, обусловленная развитием капиталистических отношений в мировой экономике, отсталость царской России, вызвавшей эту «Ружейную драму» даже вопреки уровню передовой технической мысли.

Привлечение ранее не использованных архивных материалов позволило внести уточнения и исправления в некоторые дореволюционные взгляды на уровень совершенства образцов стрелкового оружия русской армии периода Крымской войны.

Надеюсь, что ученые университета им. А. А. Жданова по достоинству оценят этот труд.

Желаю Валентину Владимировичу успешной защиты и дальнейшей плодотворной работы.

С добрым приветом и праздничными поздравлениями конструктор М. Калашников. — Герой Социалистического труда, доктор технических наук.

25. X. 73 г.»

¹ Мавродин В. В. Исторический роман из эпохи дворцовых переворотов // Пикуль В. Слово и дело. Роман-хроника в 2-х кн. / Кн. 1. Царица пристрашного зраку. [Л.:] Лениздат, 1974. С. 5–34.

Ниже — подпись Михаила Тимофеевича Калашникова.

Почерк М. Т. Калашникова я хорошо знаю. Подпись сделана его рукой. Полагаю, что и весь текст написан им самим (письмо напечатано), о чем говорит подчеркнутый мною текст. В таком аспекте проблему мог увидеть именно конструктор.

[2 ноября 2008 г.]

Н. Н. Юсова, С. Л. Юсов
Киев

Письма Владимира Васильевича Мавродина: предварительные заметки к реконструкции эпистолярного наследия

Среди историков, живших и творивших в советскую эпоху, есть немало личностей, чей пример служения науки, стиль жизни и поведение в обществе вызывают несомненное уважение. Очевидно, что они, по крайней мере, не могут быть просто забыты. Второй минимум состоит в том, что научная объективность и чувство справедливости требует противостоять репрезентации наследия советских историков и их личностей в недостоверном ракурсе. Последнее, к сожалению, приходится довольно часто наблюдать в историографии, когда в силу различных причин, субъективных (прежде всего!) и объективных по характеру, подаются недостоверно не только концепции ученых советского периода, но и фигуры самих исследователей, а их взаимоотношения с коллегами предстают в искаженном виде. И такая тенденция достаточно ощутимо сказывается на формировании негативных и нивелирующих стереотипов в сознании определенных сегментов общества по отношению как к прошлому, так и, в не малой степени, к настоящему положению в историописании.

В настоящее время представляется бесспорным положение о том, что в умах академических и вузовских ученых СССР зарождались и формировались те или иные основные концепты, бравшиеся на вооружение советской идеологией. Деятельность представителей научной среды в этом отношении проходила зачастую отнюдь «не в безоблачных» условиях: учитывая как реалии собственно тоталитарной системы, так и разнообразные перипетии повседневной жизни. Оба эти фактора накладывались на процесс творчества (в том числе — научного) советской интеллигенции. Поэтому, при исследовании данной тематики приходится осторожно подходить к вынесению каких-либо оценочных суждений, соотносить их с реальностью, памятуя об амбивалентности воздействия названных сомножителей. Кроме того, следует помнить о приговоре французского историка М. Ферро в отношении историознания, когда истории отведена соподчиненная роль идеологии, как ее «орудия», а научная «одежда» и методология исторической дисциплины служат в качестве своеобразного «фигового листка» идеологии¹.

Принимая во внимания специфические условия советской эпохи, многие ситуации следует рассматривать и обобщать через фокус личностного или, шире, — антропогенного фактора. Зачастую от позиции, занятой теми или иными представителями интеллигенции, зависело очень многое. И в наше время, рассматривая острые вопросы из жизни той поры, будет слишком упрощенно все недостатки в сфере науки «списывать» на жестокую каверзность системы.

Одно из проявлений общеметодологической тенденции современных исторических исследований заключается в том, что полноценное полотно соответствующей эпохи целесообразно реконструировать посредством приобщения к анализу микроисторических дискретных ситуаций. Во многом прояснить многочисленные нюансы и, тем самым, воссоздать целостную картину жизни и деятельности тех или иных фигурантов научного мира возможно благодаря сочетанию комплексного использования методов интервьюирования и камеральной археографии.

Существенно расширить наше представление о тех или иных отдельных аспектах историографического процесса и, тем самым, получить о нем более глубокое и целостное представление позволяет изучение разного рода контактов между историками. Немаловажное место среди таких контактов занимает переписка между учеными.

Реконструировать событийный ряд и расставить достоверные акценты во многом помогают источники личного происхождения, даже, несмотря на их изначальную субъективность; они раскрывают перед нами «жизнь изнутри»: чем был наполнен внутренний мир ученого. Несомненно, воссозданный образ не будет полным без привлечения компонента повседневности. Любые источники личного происхождения приобретают самодостаточный характер в случаях, когда не сохранился архив ученого. В такой ситуации материал, найденный в других фондах различных архивохранилищ, требует каталогизации и, по возможности, публикации. Таким образом, исследователь становится обладателем материалов, позволяющих реконструировать определенные аспекты интеллектуальной и повседневной жизни историков того времени, персонализировать историографическую ситуацию на определенном хронологическом отрезке².

Наследие и жизнедеятельность авторитетного советского историка Владимира Васильевича Мавродина уже частично стали предметом научного обсуждения³. При этом, хотелось бы особо отметить, что в современной исторической литературе фиксируется искривленная и упрощенная интерпретация позиции (поскольку речь идет о формировании контраверсионной концепции/теории древнерусской народности, приобретшей черты политической актуализации, считаем уместным употребить именно слово «позиция», подразумевая под этим и научный компонент), занятой ученым⁴.

Личного архива историка, к сожалению, не сохранилось: по мере накопления бумаг, они уничтожались⁵. Поэтому на тщательное и скрупулезное рассмотрение вправе претендовать каждое автографическое письмо В. В. Мавродина. После разговора с Валентином Мавродиным, сыном ленинградского историка, в мае 2003 г. возникло желание попытаться разыскать хотя бы часть из той обширной переписки, которую вел ученый. Среди его адресатов и, одновременно, корреспондентов были видные советские историки середины и второй половины XX в.: Н. Державин, Л. Черепнин, М. Тихомиров, А. Пронштейн, А. Панкратова, Н. Рубинштейн

и др. За эти годы частично были опубликованы письма В. Мавродина к Н. Рубинштейну⁶, два письма к Н. Державину⁷, послания к К. Гуслистому⁸.

Представляется необходимым предварять каждый блок эпистолярный вводной статьей, где всесторонне, с привлечением архивного материала, а также данных интервьюирования, раскрывался бы их смысл. Приходится констатировать, что не все эссе могут быть в одинаковой степени полноценно раскрыты, поскольку не всегда удастся отыскать сопутствующие информативные источники. При анализе писем зачастую приходится прибегать и к помощи метода интервьюирования очевидцев, что значительно расширяет диапазон реконструируемых событий. Считаем целесообразным предпринимать подобные предварительные публикации посланий к каждому из известных адресатов, ведь до момента их включения в общую планируемую нами книгу вполне могут возникнуть ценные подсказки, высказанные сведущими людьми.

На сегодня известно 33 автографических письма и 4 телеграммы В. Мавродина, а также одно послание к Владимиру Васильевичу⁹. Наибольшее количество из обнаруженных писем хранится в Архиве Российской Академии наук; это — 8 писем и 1 телеграмма академику М. Тихомирову¹⁰, 6 писем и 2 телеграммы академику Л. Черепнину¹¹ и 2 письма академику А. Панкратовой¹². Второй по количеству документов пласт эпистолярного наследия находится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Здесь имеются — 2 письма к А. Козаченку¹³, 5 писем и 1 телеграмма — Н. Рубинштейну¹⁴ и одно — Ф. Филину¹⁵. Заметим: в именном каталоге НИОР РГБ значится только письмо Ф. Филину.

В двух научных архивохранилищах Санкт-Петербурга, города, ставшего для ученого родным, и с которым связана вся его научная и научно-педагогическая деятельность, тоже отложилась часть эпистолярного наследия В. Мавродина. Небольшой, но чрезвычайно емкий пласт писем хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук; это — эпистолярный военных лет (2 письма), когда В. Мавродин пребывал в эвакуации в г. Саратове, адресованный академику Н. Державину¹⁶. Здесь же имеется одно автографическое письмо на бланке декана исторического факультета, где затрагиваются производственные проблемы, к М. Доброклонскому¹⁷. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится только одно автографическое письмо к историку Г. Дейчу¹⁸.

Представляется перспективным продолжить поиск эпистолярного наследия ленинградского ученого в архивах областных центров Российской Федерации, а также — бывших союзных республик, где могли проживать историки-адресаты, с кем В. Мавродин в той или иной степени поддерживал разнообразные научные контакты. Скажем, в Государственном архиве Ростовской области укомплектован именной фонд известного специалиста-методолога А. Пронштейна, где обнаружено 3 автографических послания его ленинградского коллеги¹⁹. А в Институте Архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (НБУВ) в личном фонде член-корреспондента АН УССР, историка, этнолога К. Гуслистого отложились 2 автографических письма В. Мавродина²⁰. Кроме того, в другом структурном подразделении НБУВ имеется машинопись обращения в ЦК КП УССР с автографом личной подписи В. Мавродина, где речь идет о перипетиях с изданием книги его сотрудницы по истфаку Е. Косачевской²¹.

Указанное обращение, пожалуй, можно включить в список эпистолярий ленинградского ученого. При этом возникают некоторые проблемы классификации: насколько можно считать подобное обращение наследием именно лично В. Мавродина²². Да, в конце имеется автограф подписи ученого, но ведь схожие обращения в фонде Е. Косачевской имеются и от других коллег по истфакаку ЛГУ²³; как, впрочем, в аналогичных случаях, когда требовалось подписывать письма в официальные инстанции, поступали и другие представители интеллигенции.

Столь подробное изложение фактов именно о количественной характеристике эпистолярий ленинградского ученого связано с тем, что в литературе встречается упоминание о четырех письмах В. Мавродина, из которых два — военных лет и одно — 1978 г. Из этих четырех — два к Н. Державину, уже упоминавшиеся нами. Впервые, фрагментарно, в научный оборот их ввели современные саратовские исследователи Г. Бурдей и С. Наумов²⁴. А вот третье упоминание корреспонденции В. Мавродина к коллеге по «саратовскому сиденью», долгие годы бессменному директору научной зональной библиотеки Саратовского университета, — В. Артисевич, с чем пришлось столкнуться на страницах книг²⁵, крайне загадочно. Так, в монографии А. Дворниченко, посвященной жизни и творчеству В. Мавродина, приводится довольно обширная цитата из письма В. Мавродина к В. Артисевич 1978 г.:

«Год тому назад перенес инфаркт. Пора. Возраст и профессия обязывают. Но эту осень начал нормально, в аудитории, а не в больнице. Идет одна книжка, уже была верстка. На очереди у редакторов другая, а в помыслах — третья. Тружусь в меру сил и возможностей, хотя, говоря о такого рода труде, вспоминаю афоризм Марк Твена: “Когда мне говорят о труде художника, ученого, писателя, поэта, я улыбаюсь и вспоминаю труд землекопа”».

Отсылка в 112-й подстрочной сноске страдает библиографическим дефектом: указан только номер фонда, без уточнения даже единицы хранения и конкретного архивного листа. Приведем ее полностью: «В. В. Мавродин — В. А. Артисевич. 1978 г. ОР ГПБ. Ф. 794»²⁶.

Однако, в именном каталоге ОР РНБ (старое название — Отдел Рукописей Государственной публичной библиотеки — ОР ГПБ) на май 2003 г. обнаружено только: «В. Мавродин, о нем: ОР РНБ. Ф. 1137. Разумовская Л. В. Д. 89. Рогов Александр Иванович, научный сотрудник Института славяноведения АН СССР. Письма (7) Л. В. Разумовской. [К. 1964 г.] — февраль 1968 г. Москва. Здесь же: черновик Л. В. Разумовской 30 января в дирекцию Института славяноведения о согласии взять на себя подготовку к изданию хроники Адама Бременского. 10 лл.». Правда, в ОР РНБ хранятся-таки письма В. Артисевич, но к библиографу и историку Г. Фирсову²⁷, впрочем, как и существует фонд под № 794: «Ф. 794. Туманский Василий Иванович. 1800–1860 — поэт пушкинской плеяды». Дабы исключить какую-либо ошибку, было решено проверить все из возможных комбинаций цифр 794, мало того — одновременно была получена консультация у библиографов и тщательно просмотрены все каталоги ОР РНБ.

Второй единицей хранения, где имеются сведения об ученом, является уже приведенная отсылка на письмо к историку Г. Дейчу.

Кроме того, на стр. 21 указанной книги А. Дворниченко встречаем информацию о том, что существуют *письма* (множественное число) В. Мавродина к директору региональной библиотеки Саратовского университета В. Артисевич,

«наполненные любовью к Саратову и саратовцам». И на этот раз сноска 59 на стр. 21 составлена аналогичным образом: «В. В. Мавродин — В. А. Артисевич. 1978 г. ОР ГПБ. Ф. 794»²⁸. Причем пересказ, ибо текст незакавычен, со стороны автора монографии текстологически совпадает со стилем В. Мавродина (данная ремарка сделана к тому, что бы акцентировать: письма отнюдь не виртуальны): «... Сюда [в г. Саратов. — Н. Ю., С. Ю.] он приезжал на празднование юбилея университета, бродил по Липкам, сидел на любимых скамеечках... Навсегда он сохранил память о городе, освещенном луной, о третьем корпусе университета, о великолепной библиотеке»²⁹.

Из приведенного выше казуистического случая, очевидно: есть, по крайней мере, в свое время существовали, письма В. Мавродина к В. Артисевич. Вполне возможно, что в процессе подготовки монографии о В. Мавродине ее автор, либо И. Фроянов или В. Брачев, которым А. Дворниченко «приносит искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой»³⁰, располагали их текстами. Правомерным является и предположение, что существует именной фонд В. Артисевич, и корреспонденция В. Мавродина отложилась именно там. Ввиду отсутствия возможности непосредственно побывать в г. Саратове, следует обратиться с просьбой к коллегам помочь в поиске интересующих нас материалов.

Высказанное выше предположение о том, что в личном архиве И. Фроянова могут быть письма или их копии В. Мавродина, подтверждается фактом публикации копии одного письма ленинградского профессора к И. Минцу. Это и есть четвертое упоминание, встречающееся в научной литературе. Впервые указанное письмо В. Мавродина к академику И. Минцу было опубликовано в книге И. Фроянова «Начало христианства на Руси» (Ижевск, 2003)³¹. Вторая републикация письма осуществлена в прошлом году в переиздании книги И. Фроянова одним из московских изданий³². В небольшой преамбуле, предворяющей письмом, говорится, что оно публикуется по копии, которая хранится в личном архиве И. Фроянова, а сам текст передает атмосферу, царившую в науке начала 1980-х гг. Далее повествуется о перипетиях, связанных с изданием книги И. Фроянова «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии»³³.

Таким образом, общее количество писем, которые могут быть введены в научный оборот, составляет на сегодня 33 (плюс одно только что упомянутое выше и в определенной степени уже введенное). Опыт подсказывает — это не окончательное число.

Представленная ниже предварительная публикации писем заведомо подана без углубленной археографической обработки, предусматривающей комментарий излагаемых фактов и упоминающихся имен. Блоки писем расположены согласно алфавитному принципу, а деление на первое, второе и т. д. письма произведено по их очередности в архивном деле (при этом, как в случае с письмами к Н. Л. Рубинштейну, хронологическая привязка в некоторых случаях будет иной, что легко прочитывается из контекста эпистолярный). При публикации сохранена стилистика и орфография автора, например: своеобразное инвариантное написание слова славяне, употреблявшего «о» и «а», а также слов «кон'юнктура», «об'ем», равно как и написание некоторых словосочетаний — «какнибудь», «кое как» и т. п.; расставлены только некоторые знаки пунктуации в виде запятых. В тех случаях, где прочтение текста является проблематичным, проставлен знак вопроса в квадратных скобках. В связи с тем, что осуществлена всего лишь озна-

комительная публикация писем, не считаем целесообразным давать конкретные отсылки на архивные листы каждой корреспонденции — каждый блок предваряет общая отсылка с указанием архива, фонда и дела, а также и общего числа листов той или иной папки.

В среде научной интеллигенции уже давно сформировалось мнение о В. Мавродине, — как о глубоко порядочном и благородном человеке. Остановимся только на одном красноречивом примере. Современный канадский ученый, профессор Квебекского университета (г. Монреаль) Р. Сербин, хотя и стоит на противоположной точке зрения, нежели та, которая исповедовалась советской историографией в лице В. Мавродина, однако, с большой симпатией вспоминает встречу. Тогда еще молодой канадский исследователь занимался изучением проблем истории Киевской Руси. Для него очень важна была беседа с В. В. Мавродиным, состоявшаяся в 1970 г. в Москве. Первое визуальное впечатление несколько смутило Р. Сербина по причине, связанной с заболеванием позвоночника у ленинградского профессора. Однако это смущение очень быстро рассеялось: буквально после первых слов, произнесенных В. Мавродиным, Р. Сербин был поражен его жизнелюбием и добротой.

Следует сделать еще одно небольшое замечание. Говоря об эпистолярном наследии В. Мавродина, нельзя не вспомнить, что благодаря изложенным фактам в одном из его писем к московскому коллеге Н. Рубинштейну, для потомков объективно расставляются акценты их взаимоотношений на период середины и второй половины 1940-х гг. После проведенной реконструкции фактов по поводу упомянутой рецензии Н. Рубинштейна можно констатировать, что и этот авторитетный историограф не позволил себе допустить даже малейшего подвоха в дружеских отношениях с В. Мавродиным. (Отсылки на статьи, где подробно излагается данная ситуация, приведены выше). В другом случае одно небольшое письмо к К. Гуслистому, где речь шла о сроках приезда В. Мавродина в Киев, позволило более детально проанализировать своеобразную «эпопею» с докторской защитой украинского этнолога. Из указанного выше следует, что до проведения углубленного поиска нельзя судить о степени значимости любого из представленных здесь автографических посланий.

Бесспорно, информативные пласты, хранящиеся в эпистолярном наследии, иногда оказываются своего рода фактором, вызывающим «культурный шок». Однако, памятуя о главнейшей цели исторических разысканий — идти по пути приближения к истине — следует трансформировать в собственном сознании полученные сведения и соотносить их с реалиями конкретных исторических ситуаций.

И в конце надлежит еще раз обратиться к коллегам-историкам и просто к тем, кто знал В. Мавродина или людей, упоминающихся в его корреспонденциях, с огромной просьбой: своими советами, замечаниями способствовать полноценной реконструкции не просто жизненных и творческих вех биографии ленинградского ученого, но и историографического процесса в целом. Одновременно выражаем благодарность коллегам, которые способствовали нахождению корреспонденции, а также получению информации по поводу изложенных в письмах фактов: С. Блащук, В. Горленку, В. Зиньч, Д. Ковпак, Е. Критски, В. Мавродину, Н. Мининкову, Е. Назаровой и В. Назарову, А. Пригарину, В. Пузанову, Д. Сеню и И. Фроянову.

Примечания

- 1 *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 10.
- 2 *Андреев В. М.* Дмитро Дорошенко: «перший» чи «другий» в українській історіографії першої половини ХХ ст.? (Досвід вивчення інтелектуальної біографії історика) // Український історичний журнал. 2007. № 4. С. 103–104; *Василенко В. В.* Интеллектуальная биография П. А. Сорокина: Опыт нового исследования формирования «интегральной» методологии социально-исторического познания: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006; История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005; *Колесник І. І.* Федір Шевченко: Інтелектуальна генеалогія українського радянського історика // Український історичний журнал. 2005. № 2. С. 178–192; *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- 3 *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин — историк Древней Руси (1930–1950 гг.) // *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. (С древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 397–415; *Он же.* Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. СПб., 2001. С. 5. Прим. 1; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. В. В.* Мавродин — историк Древней Руси (30–50-е гг.) // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / Редкол.: А. Г. Маньков, Н. Н. Масленникова, А. П. Павлов (отв. ред.) и др. СПб., 2002. С. 584–603; *В. В. Пузаев, В. А. Динес.* Историки, избравшие путь Галилея: Статьи, очерки / Под ред. Л. Е. Герасимовой. Саратов, 1995. С. 157–187; *Юсова Н.* Володимир Мавродін та генезис концепції давньоруської народності в радянській історіографії: кінець 1930-х — початок 1940-х рр. // Український історичний збірник-2004. (Вип. 7). Гол. ред. В. Смолій, заст. гол. ред. Т. Чухліб. К., 2004. С. 447–458; *Она же.* Генезис концепції давньоруської народності в працях В. Мавродіна: від виникнення ідеї до розгорнутої постановки проблеми // Слов'янські обрії: Міждисциплінарний збірник наукових праць. Вип. І. / НАН України. Український комітет славістів. Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського. К., 2006. С. 249–268; *Она же.* Из жизни научной интеллигенции: некоторые аспекты деятельности ленинградских историков Е. М. Косачевской и В. В. Мавродина // Еліти і цивілізаційні процеси формування націй. В 2-х тт. Том 1 / Національна академія наук України Інститут політичних і етнонаціональних досліджень НАН України імені І. Ф. Кураса, Українська академія політичних наук Інститут політичних наук. К., 2006. С. 311–332 і др.; *Она же.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.) Монографія. Вінниця, 2005. 545 с.; *Она же.* «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). К., 2006. 620 с.
- 4 *Залізник Л.* Давньоруська народність: імперський міф чи історична реальність // Пам'ять століть. 1996. № 2. С. 3, 4; *Он же.* Де, як і коли виникла давньоруська народність. (До 50-річчя проблеми) // Пам'ять століть. 1998. № 6. С. 2; *Он же.* Чи скресла крига давньоруської народності над Київською Руссю? // Магістеріум. Вип. 11. Археологічні студії. К., 2003. С. 92; *Наконечний Є.* Украдене ім'я: Чому русини стали українцями / Передмова Я. Дашкевича. 3-є вид., доп. і випр. Львів, 2001. С. 120, 125. Новейший вариант библиографии его работ представлен в статье: *Залізник Л. Л.* Походження українців очима науковців, політиків та фантастів // 36. наук. праць НДІ українознавства. Т. XV: На пошану проф., чл.-кор. НАН України В. Д. Барана. За заг. ред. проф. П. П. Кононенка. К., 2007. С. 236, прим. 6. Однако такая искаженная критическая направленность современными украинскими историками воспринята от представителей диаспорной историографии. (См., напр.: *Курінний П.* Советські концепції походження великоруської народності та «руської» нації // Наукові записки Українського вільного університету. Ч. 7. Мюнхен, 1963. С. 186).
- 5 *Юсова Н.* Письма В. Мавродина к Г. Гуслисту как источник по изучению интеллектуальной биографии и социокультурной среды 1930-х — первой половины 1960-х гг. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Збірка наукових праць: У 2-х частинах / Відп. ред. М. Ф. Дмитрієнко. К., 2006. Число 13. Частина 1. С. 216, 235, сноска № 8. Здесь говорится о беседе с сыном ленинградского историка В. Мавродиным, из которой стало известно, как тот поступал с собственными записями, черновыми вариантами рукописей, а также и с корреспонденцией.
- 6 *Юсова Н.* К вопросу о взаимоотношениях В. В. Мавродина и Н. Л. Рубинштейна: по поводу рецензии 1946 г. // Мавродинские чтения. 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Мат. юбил. конф., посвящен. 70-летию ист. ф-та СПбГУ / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 18–22; *Она же.* Письма В. В. Мавродина и Н. Л. Рубинштейна: реконструкция фактов по поводу рецензии 1946 г. // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия История. 2005. С. 95–102.

- 7 Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 525–628, Додаток М. 1, Додаток М. 2; *Она же*. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 601–604, Додаток Р. 1, Додаток Р. 2. Здесь письма Н. Державина опубликованы в виде приложения, а основной смысл писем раскрыт в тексте указанных монографий. (См.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 249–250; *Она же*. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 304–307). Однако в названии указанных приложений в первом издании монографии допущена техническая ошибка, когда вместо фамилии Н. Державин прозвучало — «Н. Дружинин».
- 8 Юсова Н. Письма В. Мавродина к Г. Гуслистому как источник по изучению интеллектуальной биографии и социокультурной среды 1930-х — первой половины 1960-х гг. С. 214–251.
- 9 СПбФ Архив РАН. Ф. 893. Райков Борис Евгеньевич. Оп. 4. Д. 67. Райков Б. Е. Письмо Мавродину Владимиру Васильевичу; историк, профессор Ленинградского государственного университета. Из Ленинграда. 1 п. 1964 января 31. На 1 л.
- 10 Архив РАН. Ф. 693. Тихомиров Михаил Николаевич. Оп. 4. Д. 357. Мавродин Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой. Письма М. Н. Тихомирову. Ленинград. [40-е гг.] — 22 октября 1959 г. и б/д. 9 (8 п. + 1 т.). На 13 лл.
- 11 Там же. Ф. 1791. Черепнин Лев Владимирович, академик. Оп. 1. Ед. хр. 382. Мавродин Владимир Васильевич, д. и. н., профессор, зав. кафедрой ЛГУ. 6 п., 2 тел. из Ленинграда. [1969–1970], [1975]. На 11 лл.
- 12 Там же. Ф. 697. Панкратова Анна Михайловна. Оп. 3. Ед. хр. 372. Панкратова Анна Михайловна, академик, историк. Мавродин Владимир Васильевич, историк, д. и. н., профессор. Письма Панкратовой А. М. Ленинград. 1955 г. Янв. 26. На 3 лл.
- 13 НИОР РГБ. Ф. 444. Козаченко Антон Иванович. К. 11. Д. 2. Материалы по изданию учебника «История СССР» для педагогических институтов. (Издательские договоры, схема учебника, переписка авторов учебника Козаченко А. И., Кобакова П. И., Мавродина В. В., Павленко Н. И., письмо редактора «Просвещение» к Козаченко В. М.). 1956–1966 гг. Автографы, машинопись, печатный текст. На 25 лл.
- 14 Там же. Ф. 521. Рубинштейн Николай Леонидович. К. 26. Д. 23. Мавродин В. В. Письма к Рубинштейну Н. Л. 1946–1951 гг. Присоединен печатный оттиск с дарственной надписью В. В. Мавродина — Н. Л. Рубинштейну. На 17 лл.
- 15 Там же. Ф. 816. Филлин Федот Петрович. К. 31. Д. 70. Мавродин Владимир Васильевич. Письмо к Филину Федоту Петровичу. Автограф. 1970-е гг. На 2 лл.
- 16 СПбФ РАН. Ф. 827. Державин Николай Севастьянович (1877–1958), славист, академик. Оп. 4. Д. 331. Мавродин Владимир Васильевич, историк, профессор Ленинградского ун-та. Письма его к акад. Н. С. Державину. [Между 1943 — 1944 гг.], г. Саратов. 2 п. На 4 лл.
- 17 Там же. Ф. 955. Доброклонский Михаил Васильевич. Оп. 2. Д. 113. Мавродин Владимир Васильевич, профессор, декан истфака ЛГУ. Письмо его к М. В. Доброклонскому. Ленинград. 1 п. (1 конв.). [1948]. На 2 лл.
- 18 ОР РНБ. Ф. 1276. Дейч Генрих Маркович. Оп. II. Д. 396. Мавродин Владимир Васильевич. Письмо Генриху Марковичу Дейчу. Ленинград 1 конв. [19 дек. 1958 г.]. На 2 лл.
- 19 ГАРО. Ф. Р-336. А. П. Пронштейн. Оп. 1. Ед. хр. 223. Письма академиком Валка С. Н., Лихачева Д. С., профессором Лурье Я. С., Пиотровского Б. Б., Луцкого Е., Мавродина В. В., Сахарова А. М., Пушкирева А. П., Хмелевского К. А. и др. 76 писем, 14 конвертов. Список корреспондентов: см. внутреннюю опись. 1971–1994. На 115 лл.
- 20 ИА НБУВ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 64. Письма Мавродина В. Из Москвы в [Киев?]. Рукопись. 14 апреля 1958 г. б/д. 2-а док. На 5 лл.
- 21 Более подробно см.: Юсова Н. Н. Некоторые аспекты жизни и деятельности ленинградских историков В. В. Мавродина и Е. М. Косачевской: украинский аспект (попытка реконструкции на основе материалов ИР НБУВ) // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 520–538; *Она же*. Жизненный и творческий путь Е. М. Косачевской — пример самопожертвенного служения истории // История идей и история общества: Тезисы IV Всероссийской научной конференции (Нижевартовск, 20 апреля 2006 года). Нижевартовск, 2006. С. 195–198.
- 22 ИР НБУВ. Ф. 288. Оп. 1. Д. 68. Л. 2; Д. 138. 1 л.
- 23 Там же. Д. 140. 1 л.

- 24 Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3. Историческая книга: системный анализ. Саратов, 1995. С. 16.
- 25 См.: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин — историк Древней Руси (1930–1950 гг.). С. 269; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. В. В. Мавродин — историк древней Руси (30–50-е гг.). С. 592, 602; Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 36.
- 26 Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 36.
- 27 ОР РНБ. Ф. 1262. Фирсов Георгий Гаврилович. Оп. 2. Д. 209. 9 лл.
- 28 См.: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин: Страницы жизни и творчества. С. 21, сноски № 59.
- 29 Там же. С. 21, сноска № 59. Именно после окончания этих слов идет указанная отсылка.
- 30 Там же. С. 5.
- 31 Письмо профессора В. В. Мавродина академику И. И. Минцу // Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси / Отв. ред. В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. С. 186–188.
- 32 Приложение I. [Письмо профессора В. В. Мавродина академику И. И. Минцу] // Фроянов И. Я. Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007. (Древнейшая история Руси). С. 225–227.
- 33 Там же. С. 225.

В. В. Мавродин. Письма к коллегам

Публикация Н. Н. Юсовой

I.

Письма

Владимира Васильевича Мавродина к Константину Григорьевичу Гуслистому¹

№ 1.

Дорогой Константин Григорьевич!

Весьма признателен Вам за внимание и дружеское поздравление.

Я всегда рад получить от Вас весточку.

Большое спасибо Вам за разыскания в области украинского фольклора о Пугачеве. Это мне все известно, но т.[ак] к.[ак] я не ожидал, что все выглядит так бледно, то и обратился за помощью к Вам.

Еще раз благодарю за товарищескую помощь.

Что касается рукописи о складывании украинской народности и нации то, по-моему, Вы прекрасно справились с этой задачей.

Особенно мне понравился раздел о нации.

Если позволите, то я выскажу некоторые соображения.

Думаю, что государственный распад Киевской Руси имел очень большое значение в расчленении древнерусской народности. Особенно это отразилось в сознании народа (все — «русские»!). Когда-то кто-то (я уже забыл кто) меня здорово обругал за мои попытки согласно В. И. Ленину (Ленин. Собрание, т. XXX Тезисы о национ[альном] вопросе), найти в княжествах элементы «национ[альных] об-

ластей» с диалектными особенностями. Не знаю, как сейчас ставят вопрос языковеды.

На стр. 4 следовало бы привести Постановление ЦК КПСС, Совмин[а] и Верх[овного] Совета о праздновании 300 летия... т.[ак] к.[ак] там очень хорошо сказано о «едином корне» — древнерусс[кой] народности.

На стр. 7. подчеркнуть, что ассимилировались и племена балт.[ийских] языков (напр.[имер], голядь, часть ятвягов).

Стр. 11. В состав Молдавии вошла не только Буковина, но и Галицкое Понизье, Подунавье.

Среди поселявшихся на Украине в XVIII–XIX вв., упомянуто греков, арнаутов (албанцев) немцев, гагаузов (т.[о] е.[сть]), правда, скорее передвигались на восток, чем переселялись).

Вот и все, что я мог пожелать, хотя старался придираться.

Если присланный Вами экземпляр можно мне оставить, буду весьма признателен, а если нет, то немедленно вышлю.

Не собираетесь ли в наши края?

Как скоро можно ожидать выхода этой работы?

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Р. С. Горячий привет Николаю Николаевичу

14. 4. 58.

№ 2.

Дорогой Константин Григорьевич!

Я нахожусь в смятении.

У меня нет ни 1) Вашего доклада, ни 2) тех материалов, которые Вы мне обещали и которые должны были бы стать основой моего отзыва, ни 3) даты защиты.

Я безоружен.

После 20 мая я приехать не смогу, до начала июня, точнее, до 10–20 июня.

Что делать?

Жду Вашей информации и материалов.

Желаю Всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

II.

Письмо

Владимира Васильевича Мавродина
к Генриху Марковичу Дейчу²

№ 3.

Дорогой Генрих Маркович!

Мы с С. Б. договорились об обсуждении Вашей работы в начале января. Он хочет привлечь к обсуждению П. А. Г[?]айхелинович, который 4/1 будет в Ленинграде.

Так будет солидней.

Спасибо за архивную справку.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

III.

Письма

Владимира Васильевича Мавродина
к Николаю Севастьяновичу Державину³

№ 4.

Многоуважаемый Николай Севастьянович!

Много лет прошло с тех пор, как под Вашим руководством на истфаке ЛГУ была создана кафедра истории славянских народов. Но война помешала нам начать подготовку специалистов по истории славянских народов.

И вот все же мы пытаемся организовать хотя бы подобие преподавания истории славянских народов у нас на истфаке. Прошу Вас, Николай Севастьянович, помочь своим советом.

В другое время все это было бы проще сделать, но сейчас, когда Ваши статьи, выступления и портреты видишь только в газетах и журналах в связи с Вашей деятельностью в Академии Наук, Славянском и Антифашистском комитетах, то единственный способ обращения — письмо.

Пользуясь случаем, поездкой профессора Якова Самойловича Ранидгельда [?], через которого я и передаю это письмо, и которого прошу любить и жаловать, т.[ак] к.[ак] мы, саратовцы, стали совсем провинциалами и боимся, как бы нас в Москве не затолкали (в прямом и переносном смысле этого слова). Хочу попросить у Вас совета.

Дело в том, что мы хотим все же поставить курс истории славянских народов, объемом в 70 ч. (курс годовой). Сюда войдут вопросы истории южных и западных славян. Но как его лучше построить, «от» и «до» какого времени, какие вопросы Вы бы считали необходимым поднять? Если Вас не затруднит, я был бы очень рад и признателен Вам за указания.

Конечно, было бы идеально, если бы Вы могли приехать к нам в Саратов хоть на несколько дней, прочесть пару-другую лекций. Мы бы Вас встретили, как славяне и анты в VI в. встречали гостей, а студенчество сейчас особенно восприимчиво ко всем славянским проблемам.

Николай Севастьянович, не удастся, нет?

Был бы очень благодарен Вам, Николай Севастьянович, если бы Вы сообщили мне, что делается в Академии Наук в отношении этногенеза славян. Говорят, что этим занимается Удальцов. Есть ли печатные следы его изысканий? Нельзя ли какнибудь познакомиться с его трудами в этой области?

Нет ли возможности выписать журнал «Славяне»?

В отношении Антифашистского Комитета я Вам ничего не пишу, т.[ак] к.[ак] Вас, по-видимому, видел Александр Алексеевич и говорил по этому поводу.

Но вот о чем бы я Вас очень просил, — это о присылке Ваших мемуаров для книги «История ЛГУ за 125 лет». Я бы просил Вас дать хотя бы вкратце историю филологического образования в Ун-[иверсите]те с момента его основания, назвать виднейшие имена, школы, направления, воспоминания о Ваших учителях и коллегах, об Ун-[иверсите]те в 1917–1941 г.г., о Вашей деятельности в ун-[иверсите]те (научной, администрат.[ивной]), о Марре, о Ваших учениках, о ФОН-е, Ямфаке и ФИЛ-е, и т.[ак] д.[алее] и т.[ому] п.[одобное], по Вашему усмотрению. Только Николай Севастьянович, если можно, то поскорей вышлите нам

пр.[оект], так [как] в августе наш автор.[ский] коллектив садится за написание и монтаж книги.

Простите, что задал Вам столько хлопот, но я позволил себе к Вам, своему бывшему учителю, обратиться и не по служебным вопросам, помня Ваше обычное внимание.

Желаю Вам всего наилучшего, здоровья, бодрости,
Саратов, Кирова 18 уважающий Вас

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 5.

Дорогой

Николай Севастьянович!

Очень рад Вашему письму и прежде всего желаю Вам здоровья и бодрости на благо нашей науки.

Вы — отец нашего советского славяноведения и болеть Вам не полагается ни в коем случае.

Как жаль, что не удалось нам тогда, в 1941 году, осуществить возрождение славяноведения. Все же я не теряю надежды, что под Вашим руководством — работает наша университетская кафедра.

У нас была интересная защита. Е. М. Косачевская защищала работу на тему «Головная Русская Рада». Защита прошла очень интересно и вызвала оживленную дискуссию.

Сейчас у нас читается общий курс истории южных и западных славян, но это далеко не то, что нужно.

Да и требовать нечего.

Очень Вам благодарен за хлопоты о журнале.

Наш славянский журнал меня очень интересует и заслуживает того, чтобы им заинтересовалась широкая публика. Но тираж, к сожалению, мизерный.

Николай Севастьянович!

Я прочел, что вышла Ваша книга о борьбе славян с немцами и, буду нескромен, попрошу Вас об одолжении — нельзя ли ее достать?

Вы не были на докладе Удальцова о происхождении славян? Были ли высказаны какие либо интересные мысли, соображения, приведены новые материалы? Меня эта проблема очень интересует.

Я сейчас занялся историей Киевской Руси, но совершенно не в том аспекте, который характерен для работ Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Я хочу попробовать изложить историю формирования русских той поры, как народности определенной стадии складывания, историю русской культуры, наконец, и это главное, историю политическую, внешнюю, показать Русь в системе государств, ее связи с Востоком, Западом, Византией.

Работаю много, с увлечением и кое что успел сделать.

Написано около 15 п[ечатных]/л[истов].

К сожалению, не все нашел в биб-[лиоте]ках в Саратове и должен буду поехать в Москву.

Сейчас по радио передали о приезде Бенеша и его встрече.

Новая веха в истории славянских народов!

Желаю всего наилучшего, Николай Севастьянович.

Ждем Вас на юбилей Ун-[иверсите]та, долженствующий быть в феврале. На днях получите официальное приглашение.

Желаю здоровья и успехов.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

IV.

Письмо

**Владимира Васильевича Мавродина
к Михайлу Васильевичу Доброклонскому⁴**

№ 6.

*Многоуважаемый
Михаил Васильевич!*

К сожалению, Вы не могли присутствовать на последнем заседании ученого совета.

Мы пришли к выводу, что Н. Н. Пунин нашу надежду не оправдал, реально ничем не доказал своей перестройки и заслужил соответ [ствующую] оценку в статье Герасимова в «Правде».

Ученый Совет поручил Вам немедленно созвать кафедру и обсудить Пунина. Есть основания полагать, что следует сделать оргвыводы. С приветом

[Автограф личной подписи]

V.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Антону Ивановичу Козаченко⁵**

№ 7.

*Дорогой
Антон Иванович!*

Посылаю Вам «Введение». По моему, оно составлено удачно, а те не [которые; — здесь дефект бумаги. — Н. Ю.] исправления, которые мне хотелось бы сделать, я внес крас [ными] чернилами.

Очень прошу Вас прислать мне:

1) примерный список литературы к одной из глав и

2) Как это ни странно, перечень моих глав и названия (IX, XIV–XVIII вв.), т. [ак] к. [ак], видимо, Вы внесли кое-какие коррективы, а для того, чтобы составить хорошие списки рекомендуемой студентам литературы, мне нужно узнать точно разбивку моего материала по главам и их наименование.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 8.

*Дорогой
Антон Иванович!*

Посылаю вам второй экземпляр недостающей части главы о XVIII веке. Я согласен с Вами относительно карт.

Думаю, что для моих глав следует использовать две карты из «Очерков» (43. «Крымская война 1773–1775 гг.» и 44. «Русско-турецкие войны во втор.[ой] пол.[овине] XVIII в.»).

и две

вставки: 45. Внешняя политика России во вт.[орой] пол.[овине] XVIII в. из учебника по истории СССР для истфаков («Россия в XVII веке» и 46. «Россия в конце XVIII века»).

Возвращаясь к вопросу о том, где лучше поместить в главе о XVIII веке раздел о народах Закавказья и Балкан, полагаю, что все же его лучше оставить на 86-х страницах.

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

VI.

Письмо

**Владимира Васильевича Мавродина
к Исааку Израилевичу Минцу⁶**

№ 9.

Дорогой Исаак Израилевич!

Памятуя наш недавний разговор по телефону, пишу Вам это письмо. Как помните, речь у нас шла о профессоре Игоре Яковлевиче Фроянове — моем ученике, которым, скажу прямо, горжусь.

Это — достойнейший, порядочный человек, талантливый ученый, создавший оригинальную и яркую концепцию истории Киевской Руси, смысл которой сводится к пониманию древнерусского общества как общества с незавершенным процессом классовообразования.

Она изложена в двух книгах: «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» (1974) и «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» (1980), также в многочисленных статьях. Работы И. Я. Фроянова получили большой резонанс в научном мире. Как водится в подобных случаях, новая концепция вызвала плодотворные споры, дискуссии. Но, к сожалению, и недостойные нападки, чуждые науке. Именно так я рассматриваю «критические» публикации В. Т. Пашуто и некоторых других авторов, напоминающие скорее проработку, чем научную полемику.

Издательство Ленинградского университета запланировало к выпуску в 1983 г. третью книгу И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки отечественной историографии», являющуюся своеобразным продолжением его исследований в области древнерусской истории. К сожалению, на этот раз оппоненты И. Я. Фроянова, видимо, исчерпав свои аргументы, решили помешать выходу книги. Главную роль здесь взял на себя Б. А. Рыбаков, что не могло не сказаться, как Вы сами понимаете, на прохождении рукописи. Он добился того, что рукопись попала к нему на отзыв, который, конечно, не мог быть положительным. Выдержанный далеко не в академическом тоне, он похож более на обвинительное заключение на суде. Вот лишь отдельные примеры: «Умозрительная концепция И. Я. Фроянова по существу отрицает все основные достижения советской марксистско-ленинской науки за полвека от выхода труда Б. Д. Грекова в 1933 г. и до наших дней. Неудивительно, что она нашла положительный отклик в США и ФРГ»; «И. Я. Фроя-

новым ведется война с советскими историками. В настоящее время такая война может радовать только врагов марксизма»; «Рукопись И. Я. Фроянова, пронизанная от начала и до конца враждебной тенденцией, не может быть ни опубликована, ни переработана. Речь идет не об отдельных неточностях или второстепенных разногласиях, а о концепции, которая может увести читателей очень далеко в сторону от марксизма». И это обращено в адрес ученого-коммуниста с почти двадцатилетним стажем, декана исторического факультета ЛГУ, зав. кафедрой истории СССР, человека, преданного идеям марксизма-ленинизма, всегда и везде отстаивающего их в своей научной деятельности.

Согласитесь, в наше время такого рода формулировки выглядят, мягко говоря, политически бестактно и не могут не вызвать чувства возмущения и протеста.

Должен сказать, что работу Игоря Яковлевича рецензировали академик Б. Б. Piotровский, член-корреспонденты К. В. Чистов и В. Л. Янин, доктора наук А. Л. Шапиро, А. Н. Цамутали, Ю. Г. Алексеев, В. М. Панях, А. Г. Маньков. Все эти уважаемые ученые высказались за публикацию книги И. Я. Фроянова. На фоне этих положительных заключений, кстати известных Б. А. Рыбакову, его позиция не может быть истолкована иначе как стремление незаслуженно опорочить советского ученого и тем самым блокировать выход книги в свет. И это, к огорчению, пока ему удастся.

Обращаюсь к Вам, дорогой Исаак Израилевич, как к видному организатору советской исторической науки, ученому с мировым именем, ответственному редактору первого в нашей стране учебника по историографии истории СССР (эпоха социализма) с просьбой дать отзыв на рукопись книги И. Я. Фроянова и поддержать его своим высоким авторитетом в трудную для него минуту научной жизни.

Шлю Вам самые добрые пожелания.

Всегда Ваш В. В. Мавродин

VII.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Анне Михайловне Панкратовой⁷**

№ 10.

*Многоуважаемая
Анна Михайловна!*

Посылаю Вам свой маленький *opus* о Пугачеве. Это — небольшой раздел первой главы, посвященной историографии Пугачева, Пугачеву в оценке современников и потомства.

Я заканчиваю работу в архивах Ленинграда, где материалов о Пугачеве очень немного, и надолго переключаюсь на Московские архивы (ЦГАДА и рукописный отдел Ленинской библиотеки).

Думаю, что интерес к данной теме не уменьшается, а вырастает.

В этой связи я хотел просить Вас о помощи. Дело в том, что в одном из номеров журнала «Вопросы истории» была помещена статья В. И. Лебедева о крестьянских войнах. Редакция просила откликнуться на нее.

Я и группа моих учеников, защитивших диссертации по различным вопросам истории восстания Пугачева, прислали в редакцию коллективную статью-отклик.

Мне кажется, что и по материалам, и по высказанными в ней соображениями, она представляет интерес.

К сожалению, она до сих пор не опубликована.

Прошу Вас, Анна Михайловна, если статья наша того заслуживает, помочь ей увидеть свет.

Желаю всего наилучшего

Глубоко уважающий Вас

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 11.

Многоуважаемая

Анна Михайловна!

Очень сожалею, что мне не удалось побывать на сессии в Академии Наук у нас в Ленинграде и встретиться с Вами. Днем у меня были экзамены, а вечерами я был занят, как председатель Комиссии, в связи с предстоящими выборами. Вся сессия т.[аким] обр.[азом], прошла, минуя меня. Очень сожалею, что так все неудачно сложилось.

На днях послал в редакцию статью, написанную совместно с моим учеником, И. З. Кадиопом [?], и представляющую собой ответ на статью В. И. Лебедева о крестьянских движениях в России, опубликованную в «Вопросах истории» в порядке обсуждения, мне кажется, что вопрос, затронутый В. И. Лебедевым и, заслуживает внимания, и особенно, проблема крестьянских войн в России.

Если наша статья Вас заинтересует, буду очень рад.

Постепенно, все более и более вникая в характер восстания Пугачева, я прихожу к выводу о специфике этой последней в истории России крестьянской войны.

Выполнил поручения редакции и представил коллективную рецензию на «Очерки истории СССР (XVIII век)». Работа, с нашей точки зрения хорошая. Рецензия несколько своеобразная, но мы сочли не нужным пересказывать книгу, а подчеркнуть лишь то, что она дает.

Как видите, Анна Михайловна, стараюсь, в меру сил своих и возможностей, наладить помощь редакции со стороны ленинградских историков.

Желаю всего наилучшего.

Уважающий Вас

В. Мавродин.

VIII.

Письма

**Владимира Васильевича Мавродина
к Александру Павловичу Пронштейну⁸**

№ 12.

Дорогой

Александр Павлович!

Посылаю «Вестник» со статьей Коли. По-моему, статья получилась очень хорошая.

Сейчас мы с И. Я. Фрояновым заканчиваем «юбилейную» статью о советской историографии Киевской Руси. Наш большой коллективный том «Советская историография Киевской Руси» идет по плану изд-ательств «Наука» на

1978 год. Вслед за этим пробиваем том «Советское источниковедение Киевской Руси», куда войдут вспомогательные и смежные науки.

Как трудно все это пробивать, и это несмотря на то, что эти издания предпринимаются по инициативе высоких кругов.

Как Вы трудитесь, над чем?

Шлю привет Вашему семейству и желаю всего самого наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 13.

Дорогой

Александр Павлович!

Получил Ваше письмо и сразу же отвечаю на него.

Пусть Коля приготовит рецензию на книгу Буганова о крест.[ьянской] войне. Объем 5–6 страниц. Я постараюсь оказать этой рецензии «зеленую улицу». Что бы отличить рецензию со статьею, может быть, ее следовало бы назвать «новая книга о ...».

На днях у меня была очень интересная особа. Она — аспирант филолог.[ического] ф[акультета]-та из Болгарии.

Но Катя Критска (так ее зовут), хоть и из Болгарии, но она русская и потомок некрасовцев. Тема ее диссертации «свадебные обряды донских казаков». Ее интересует возникновение донского казачества, и в этой связи я прошу Вас указать мне три-четыре работы на эту тему, наиболее «современных». Буду очень благодарен. Надеюсь, что до скорой встречи.

Ваш [Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 14.

Дорогой

Александр Павлович!

Получил Ваше письмо и спешу ответить.

Защиту Колей своей диссертации я планирую на весну. Сегодня я еще раз проверил план защит диссертаций во 2-м семестре и т.[ак] ск.[азать] «утвердил» его в списке диссертантов. Но вот, что очень важно — надо отпечатать автореферат. Нельзя ли это сделать в Ростове?

Если что удастся, то прохождение Коли через все этапы будет очень ускорено.

Впрочем, я еще выясню, что нужно для напечатания автореферата, и напишу Вам. Александр Павлович! Вы пишете о моей работоспособности. Спасибо за доброе слово. И все же она, конечно, не та, что в былые годы. Да оно и понятно.

Я в свою очередь удивляюсь Вам — «книжка за книжкой».

И сколько!

Многая лета!

Желаю Всем Вашим

всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

IX.

Письма и телеграмма
Владимира Васильевича Мавродина
к Николаю Леонидовичу Рубинштейну⁹

№ 15.

Дорогой

Николай Леонидович!

Приношу свои извинения за долгое молчание, а также прошу передать мои извинения У. М. Поляковой.

Я получил ее письмо о намерении приехать в Ленинград, собрался ответить, но... потерял письмо, а с ним вместе и ее архангельский адрес.

Очень прошу Вас, Николай Леонидович, передать ей, что в феврале мы сможем организовать обсуждение ее работы на кафедре.

Не собирается ли она что-либо добавить, переделать?

Попрошу ее написать мне.

Как Вы себя чувствуете?

Как здоровье?

Над чем трудитесь?

Я сдал в типографию верстку первого тома «Пугачева». Жду вторую верстку.

Второй и третий том будут коллективными (ЛГУ и Ин- [сти] тут Истории).

Так будет быстрее.

Много времени, сил и нервов отнимает деканат, и я себя ругаю за то, что согласился вновь одеть на себя это ярмо.

Возраст уже не «деканатский».

Желаю Вам здоровья,

бодрости и успехов в Новом 1961 году.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 16.

Дорогой Николай Леонидович!

Очень рад был Вашему письму и очень благодарен за томик «Ученых записок». С удовольствием прочел Вашу статью. Откровенно говоря, я ее давно ждал, т. [ак] к. [ак] Вы в свое время делились со мной выводами, к которым пришли. И мне они показались очень интересными. Давно пора поставить вопрос о генезисе капитализма.

К сожалению, в ответ могу послать Вам только филологов, т. [ак] к. [ак] наши тома застряли в типографии, но мне кажется, что штудии наших филологов могут Вас заинтересовать.

Надеюсь в скором времени прислать Вам «Повесть временных лет» И. П. Еремина, «Люди и нравы домонгольской Руси» Б. А. Романова и 2-ые тома В. И. Равдоникаса и С. Бондия [?]. Последний, конечно, сам Вам придет.

Я сейчас готовлю доклад, вынесенный на научную сессию. Тема «Основные этапы истории русского государства до XVI в.». На очереди история морских народов в Др. [евней] Руси, о чем Вы, быть может, прочли в заметке В. И. Селиванова в «Вопросах истории».

И в далекой перспективе окончание Левобережной Украины (до XVI в.).

Дорогой Николай Леонидович!

Я очень благодарен Вам за чуткость и искренность. Грешным делом я сам подумал, что рецензию здорово «подправили». Вы не могли написать так... слабо при такой «шапке» смертоубийственности. И даже если бы все было написано Вашей рукой, я бы не обиделся, а только пожалел бы, что я не мог поговорить с Вами, т.[ак] к.[ак] в результате беседы все выглядело бы иначе, и обо многом мы бы договорились. Я слишком высоко ценю Вас для того, что бы обижаться.

Поежился бы, покрутил головой, удивился бы несколько стилю и некоторой гиперболности и тенденциозности, но не стал бы обижаться. Узнав же, что Вас основательно исказили, я тем более рад. Я знаю, что многое в книге недодумано, сыро, может быть, и ошибочно и над многим еще следует поработать. Все это я учту и за всякую помощь Вам благодарен. А кто же этот услужливый редактор? Ежели он выполняет определенное задание, то пусть все же он будет столяром, а не плотником.

Простите, Николай Леонидович, дорогой, за внешний вид письма. Лежу в постели т.[ак] к.[ак] повредил себе ребро. Вы не собираетесь в Лен-[ингра]д?

Еще раз благодарю вас за доброе отношение.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 17.

Дорогой

Николай Леонидович!

Долгое время откладывал свой ответ Вам, т.[ак] к.[ак] думал, что мне удастся приехать в Москву и побеседовать с Вами лично, но моя поездка в столицу сорвалась, т.[ак] к.[ак] скоро состоится наша реэвакуация, о чем вам уже, наверное, рассказал Осип Львович, на днях с первым эшелоном выехавший в Москву. Ждем его возвращения и начинаем укладывать свои «монатки».

Николай Леонидович! У меня серьезное к Вам дело. Я хочу вам предложить в порядке какого угодно совместительства и в какой угодно форме и роде участие в работе кафедры, в нашей научной работе и в педагогическом процессе. Ставка, полставки — как вам будет угодно. Любые занятия, любые курсы, любое время.

Мне бы очень хотелось, и не мне одному, что бы Вы дали на это свое согласие. Думаю, что приезд Ваш 1–2 раза в семестр в Лен-[ингра]д не очень бы Вас обременил, а об условиях мы сами постараемся.

Нам же Ваше участие принесло бы большую пользу.

Жду Вашего ответа и надеюсь на его положительный характер, зная Ваше дружеское отношение к своим ленинградским товарищам.

Наша кафедра окрепла и еще больше окрепнет и если в ее составе будут работать и Борис Дмитриевич, и Сигизмунд Натанович, и Окунь, Романов, Предтеченский, Степанов и др.[угие].

Что касается затронутых Вами вопросов о состоянии нашей исторической науки, то, несмотря на то, что в своей Саратовской жизни мы провели как медведи в берлоге, тем не менее, мне кажется, что у нас наблюдается, я бы прямо сказал, измельчание.

Некоторые проблемы ставятся как-то шиворот-на-выворот, все слишком конъюнктурно, прерадяще. «Историч.[еский] журнал» страдает дистрофией III степени и скучен, как ожидание поезда.

И особенно потрясла меня книга Яковлева. В некоторых местах, простите, но это или бред, или «история» типа сатирикон. Мне кажется, что пора приниматься за серьезные проблемы и создавать монографии.

Вот придет Осип Львович, наверное, расскажет нам о Ваших новостях.

Николай Леонидович! Жду ответа.

И, надеюсь, положительного.

Пишите, на всякий случай уже на Ленинград. (В.[ременный] а.[дрес] Университетская наб.[ережная] 7/9, университет, мне).

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 18.

Дорогой Николай Леонидович!

Я очень благодарен вам за дружеское хорошее письмо и очень рад тому, что моя книга попала к Вам на рецензию, ибо уверен в Вашей строгой объективности, которая послужит на пользу и науке, и мне.

Вопросов спорных, конечно, много, но я полагаю, что вряд ли книга выиграла, если бы еще постояла, как хорошее вино. Мысли, изложенные в ней, не результат одного только «саратовского сиденья», а многих предыдущих лет. Пройдет еще год, два, три и я, конечно, буду, надо полагать, эволюционировать. Будет эволюционировать и моя книжка, мои взгляды. Когда же остановиться?

Вот почему я решил ее опубликовать. Я бы только очень хотел, что бы мои московские товарищи различали бы точку зрения от ошибки.

Очень давно, когда еще писалось мое «Образование русского национального государства» (1938 год), блаженной памяти (убит на фронте) редактор Соцэкза Захар Гауф[х?]штейн говорил мне: «Ты, пожалуйста, не умничай. Если чтонибудь (это произносилось весьма многозначительно — В. М.) скажет Греков — это будет точка зрения, а если ты, то это будет ошибка».

В своей книге я не хотел бы пойти по стопам тех, кто вместе с водой выплескивает и ребенка. Не хотел бы повторять Грекова и Юшкова и, как мне кажется, это мне удалось.

Борьбу с норманизмом я усматриваю не в том, что бы отрицать наличие норманнов на Руси и объявлять все сказкой, а в том, что бы показать их истинную роль. А то уподобишься тому американскому доктору, который, первый раз попав в зоопарк и увидев верблюда, долго на него смотрел и изрек: «нет такого животного».

В отношении протославян, палеоевропейцев и т.[ому] п.[одобное] я должен заметить следующее.

Я полагаю, что могу назвать палеоевропейцами древнейшие племена неолита Европы. Из современного европейского населения в их состав, напр.[имер], не входят татары, венгры, калмыки и т.[ому] п.[одобное]. Они (палеоевропейцы) адекватны палеоазиатам Сибири. Процесс их эволюции идет в разном направлении. Прежде всего идет выделение финно-угорских языков, а с индоевропейских языков складываются языки греческий, кельтский и т.[ому] п.[одобное].

Где-то в средиземных районах начинается формирование славянских языков. Это уже протославяне. В состав их включаются одни этнические компоненты и выключаются другие. В книге своей, поэтому то я позволяю себе говорить о разных этапах, стадиях формирования славянства.

Но довольно о ней.

Расскажу наши ленинградские новости.

ЛГУ, как и МГУ, получили оборудование для типографии. Она у нас была и раньше, но удовлетворить наши запросы, естественно, не смогла. С типографиями вообще обстоит в этом году неважно. Боюсь, что выпуск наших трудов очень затормозился.

Сейчас в производстве книга Осипа Львовича (Учебник средних веков для неисторич.[еских] ф-[акульте]тов), Матвея Ал-[?]вича (Возрождение), Равдоникаса (учебник по ист.[ории] первоб.[ытного] об-[щест]ва, т.[ом] II), Романова («Люди и нравы домонгольской Руси»), ученые записки, но...

Открываем отделение истории ВКП(б).

Желающих специализироваться в этой области немало. Растут отделения археологии и истории искусств. Проводили конференцию, посвященную новым работам в области истории (доклады Третьякова, Степанова, Тарле, мой).

Устал я ужасно. Я ведь с 1940 г. ни разу не был в отпуске. Деканат мне стоит много нервов и здоровья.

Но в этом году получу отпуск и хочу отдохнуть в Териокках [?], а затем отправлюсь на охоту в Калининскую область. Представьте себе, что весной я все же провел два дня на охоте и привез не мало дичи. Несколько дней угощал всех утятинной, вальдшнепами и т.[ому] п.[одобным].

Когда и куда Вы собираетесь на отдых?

Далеко или в Подмосковье?

Как Ваши штудии по XVIII веку?

Недавно у меня был Иван Васильевич Симицын [Синицын?]. Хороший он человек.

Так и пахло Саратовым, о котором у меня остались самые лучшие воспоминания, а моя Анна Афанасьевна просто влюблена в этот город.

Дорогой Николай Леонидович!

Буду очень рад вашему письму.

Желаю вам здоровья и
успеха

Ваш

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 19.

ЛЕНИНГРАДА 11 / 1406 13 16 1217 = МСК ЧИСТЫЕ ПРУДЫ
ТЕЛЕГРАФНЫЙ ПЕРЕУЛОК ОДИН КВ. ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ РУ-
БИНШТЕЙНУ

ИСКРЕННО ПОЗДРАВЛЯЮ МАВРОДИН

штамп: 27. 10. 48. Москва.

№ 20.

Дорогой

Николай Леонидович!

Очень благодарен Вам за сборник. Он заслуживает внимания и несомненно представляет большой интерес.

Работу над рецензией на БСЭ наша кафедра закончила, и через Петрикеева мы направили ее Ивану Архиповичу Кудрявцеву.

Дорогой Николай Леонидович! Искренне сожалею, но она получилась неблагоприятная для Вас. Вашу часть раздела «История» рецензировали Ив.[ан] Ив.[анович] Смирнов, С. Н. Валк, Д. М. Петрикеев, Н. А. Павлицкая, С. Л. Пештич, М. И. Артамонов и др.[угие]. Отметив ряд недостатков в Вашем разделе, кафедра в резолютивной части пришла к выводу о необходимости коренной перестройки и переработки раздела и разошлась с Вами в определении ряда моментов отечественной истории.

Избавив рецензию от крайностей и резкости, я не мог, конечно, изменить дух ее. И вот в таком виде, к великому для меня сожалению (мне хотелось бы, что бы она Вас порадовала, а не огорчила), она и была направлена в редакцию журнала «Вопросы истории».

Мое мнение по поводу издания этой части БСЭ в качестве отдельной книги положительное. Надо убрать все неполадки, неточности, вообще все, что может вызвать нарекания, и издать отдельной книгой.

У нас идет подготовка к очередной научной сессии. Трудимся. У меня сентябрь, октябрь и начало ноября очень тяжелые, напряженные. Еле успеваю следить за литературой. О творческой работе нечего и думать. Подождет лучших дней.

Быть может завтра вылечу в Москву. Вызывает Топчиев (зам.[еститель] министра). Надеюсь, что на этот раз я успешнее дозвонюсь. У меня нет Вашего домашнего телефона. В справочном тоже я не добился. Вы хоть скажите своим в Музее (из числа тех, кто подходит к Вашему телефонному аппарату) Ваш домашний телефон. Рассчитываю повидать Вас в Москве и тогда уже поговорим обо всем.

Желаю всего наилучшего.
Привет от моего семейства
[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Х.

Письма и телеграмма Владимира Васильевича Мавродина к Михаилу Николаевичу Тихомирову¹⁰

№ 21.

Многоуважаемый
Михаил Николаевич!

Я очень благодарен Вам за ценные указания по моей статье «О происхождении русского народа» и учел Ваши замечания, соответствующим образом исправив и дополнив свой очерк.

Одного я, каюсь, не сделал (во всяком случае, в том объеме, в каком следовало бы согласно Вашей рецензии), а именно не дал подробно историю вопроса.

Я остановился на взглядах Шафарика, Нидерле, Погодина, Шахматова, Мариварта, Вернадского и др., о которых Вы упоминали в своем отзыве, но только в общих чертах, т. [ак] к. [ак] ставил своей целью попытаться в данной статье обобщить достижения современной исторической науки, археологии и лингвистики.

Это и дает мне право отказаться от больших историографических отступлений, которые, еще раз каюсь, я очень не люблю.

Уж Вы извините меня великодушно за эту особенность.

Буду очень рад, если моя статья уже в таком, исправленном согласно Вашим замечаниям, виде будет напечатана.

Надеюсь преподнести Вам некоторые свои труды, выходящие из печати.

И если они Вас заинтересуют, еще раз поблагодарить за деловые, дружеские замечания и критику.

У н[ас; — здесь дефект бумаги. — Н. Ю.] сейчас научная сессия. Посылаю Вам книжечку тезисов докладов.

Буду очень рад установить с Вами обмен мнениями и опытом.

С приветом

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

*Ленинград, «164», Университетская
набережная 7/9 университет.*

№ 22.

МОСКВА ВОЛХОНКА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ТИХОМИРОВУ
ЗЕЛЕНОГОРСКА ЛНГ 269 1526 1350
ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ИЗБРАНИЕМ ЖЕЛАЮ ДАЛЬНЕЙШИХ
УСПЕХОВ МАВРОДИН
штамп: 26. 10. 53
Москва 19 гор.

№ 23.

*Многоуважаемый
Михаил Николаевич!*

*Посылаю Вам свой *opus*, посвященный Пугачеву. Этот небольшой разделчик из первой главы, посвященной историографии вопроса.*

В течение последних лет я занимался Пугачевым. Несколько моих аспирантов защитили диссертации, посвященные тем или иным вопросам истории пугачевского восстания. Я заканчиваю работу в ленинградских архивах и переключаюсь на несколько лет на ЦГАДА.

С удовольствием почитал Вашу новую книгу о классовой борьбе в XI–XIII вв. Надеюсь, что мне удастся поместить на нее рецензию в нашем университетском «Вестнике». К сожалению, вопросы классовой борьбы в феодальной России до сих пор у нас не привлекли к себе должного внимания.

Свидетельством того является хотя бы то обстоятельство, что написанная мной и моими аспирантами статья об особенностях восстания Пугачева, являющаяся откликом на помещенную в «Вопросах истории» статью В. И. Лебедева об особенностях крестьянских войн, а не власти в России, построенная на новых материалах и заключающая в себе, как мне кажется, кое-какие интересные соображения, лежит в редакции «Вопросов истории» без движения.

Я очень прошу Вас, Михаил Николаевич, если статья того заслуживает, помочь ей увидеть свет.

Ведь все таки у нас нет до сих пор серьезных исследований о Разине и Пугачеве (если не считать книг Тишки Муравьева и Гайсминовича), а они того заслуживают. Начинать же надо с небольшого.

Желаю всего наилучшего

Уважающий Вас

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 24.

31/XII.55

Дорогой

Михаил Николаевич!

Прежде всего позвольте мне поздравить Вас с Новым Годом и пожелать здоровья и творческих успехов.

Очень благодарен Вам за помощь в опубликовании нашей статьи о Пугачеве.

Я уже получил т.[ак] наз.[ываемые] «вместо гранок».

Что касается Касименко, то я уже в свое время послал в Киев весьма положительный отзыв на его автореферат, а как только получу его книгу или рукопись, то немедленно дам положительную рецензию.

Целиком с Вами согласен в оценке и его работы, и той борьбы, которую он, к сожалению, ведет со всякого рода шакалами от науки.

Хорошо, что все же теперь не уделя[ю]т такого значения анонимкам, оружию тупиц, бездельников и подлецов.

Думаю, что он сможет обезвредить эту публику.

Желаю всего наилучшего

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

Зеленогорск

Курортный р-н Ленинграда

Проспект Ленина 79

№ 25.

Дорогой

Михаил Николаевич!

Большое спасибо за теплое письмо. Рад, что Вам понравился мой «Пугачев».

Я сейчас в отпуске и тружусь над вторым томом «Очерков...»

В связи с этим убедительно прошу Вас поручить кому либо прислать мне мой проспект, высланный в Ин-[сти]тут истории, и сообщить об'ем глав.

Меня испугал А. А. Зимин, написавший мне, что мне на все дается ... 2 п/л!

Судя по договору, это не так, и мне дается 5 п/л.

Очень прошу Вас рассеять мои сомнения.

Посылаю Вам своих «бунтующих смердов».

Желаю всего наилучшего.

[Автограф личной подписи В. Мавродина]

№ 26.

Дорогой Михаил Николаевич!

Очень признателен Вам за информацию по поводу обсуждения 2-го тома «Истории СССР».

Я охотно учту все замечания, сделанные по моим главам в процессе обсуждения.

Что касается Леонида Антоновича Коваленко, то я принял все меры к ускорению подготовки защиты, которая намечена на 8-ое февраля.